

Министерство просвещения РФ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научное издание

14 (2020)

Екатеринбург 2020

УДК 81:39
ББК Ш100.63
Л59

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

доктор филол. наук, профессор А. П. ЧУДИНОВ

Выпускающий редактор:

кандидат филол. наук, доцент С. А. ЕРЕМИНА

Редакционная коллегия:

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА

кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

доктор филол. наук, доцент Е. В. ДЗЮБА

доктор филол. наук, профессор Э. В. БУДАЕВ

кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Л59 **ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ** : ежегодный сборник научных трудов / Уральский государственный педагогический университет ; главный редактор А. П. Чудинов. – Екатеринбург : [б. и.], 2020. – Выпуск 14. – 113 с. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7186-1748-1

Общие задачи издания: обмен новейшей информацией в области лингвокультурологии, в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Журнал предназначен для ученых-языковедов всех специальностей, он может представлять интерес для преподавателей, аспирантов и всех тех, кто интересуется проблемами языка и культуры.

УДК 81:39
ББК Ш100.63

Научное издание
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
ВЫПУСК 14

ISBN 978-5-7186-1748-1

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2020
© Лингвокультурология, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Бакшеева М. Г., Исламова Ю. В.

Ханты-Мансийск, Россия

- Особенности языка романа Р. П. Ругина
«Сорок северных ветров» на лексическом уровне..... 5

Бубнова С. А., Заломкина Г. В.

Самара, Россия

- Критика идеологических механизмов
в текстах группы «Rammstein»..... 11

Вахитова Э. В.

Екатеринбург, Россия

- Метафорический образ отцов и детей
в англоязычных неологизмах:
лексикографический анализ..... 30

Вахмянина Е. А., Будаев Э. В.

Екатеринбург, Россия

- Отравление в Солсбери как сфера-мишень
метафорической экспансии в СМИ России
и Великобритании..... 38

Олькова А. А.

Екатеринбург, Россия

- Синтаксис слогана в рекламе автомобилей..... 48

Путилина Т. Г.

Новосибирск, Россия

- Лексема «собака»: языковое выражение
идеологического конфликта..... 62

Рычков С. Ю.

Голицыно, Россия

- Прецедентные онимы в каронимике:
память о Бородинском сражении
в названиях кораблей..... 81

Сивакова Е. Д.

Екатеринбург, Россия

Метафорическая концептуализация гнева
в немецком языке..... **95**

Ши Шу

Гуандун, Китай

Изучение русской речевой этики:
достижения и перспективы..... **102**

УДК 811.161.1'373:
821.161.1-31(Ругин Р. П.)
ББК Ш141.12-3+Ш33
(2Рос=Рус)63-8,444

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

М. Г. Бакшеева, Ю. В. Исламова
Ханты-Мансийск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА РОМАНА Р. П. РУГИНА «СОРОК СЕВЕРНЫХ ВЕТРОВ» НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена выявлению языковых особенностей романа Р. П. Ругина «Сорок северных ветров» на лексическом уровне. Проведенный анализ лексем в семасиологическом и социолингвистическом аспекте позволит не только внести определенный вклад в решение проблемы идиостиля писателя, но и глубже и четче уяснить, в чем индивидуальное своеобразие выбора выразительных средств языка хантыйского прозаика и поэта.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *лексический анализ; метафоры; эпитеты; иноязычные слова; лексемы; антропоморфность; писатели; литературное творчество; романы.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: *Бакшеева Марина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Югорский государственный университет.*

Адрес: 628012, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16.

E-mail: Baksheeva.Marina @yandex.ru.

Исламова Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Югорский государственный университет.

Адрес: 628012, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16.

E-mail: islyv @yandex.ru.

M. G. Baksheeva, Ju. V. Islamova
Khanty-Mansiysk, Russia

FEATURES OF THE LANGUAGE OF THE NOVEL BY R. P. RUGIN “FORTY NORTH WINDS” AT THE LEXICAL LEVEL

ABSTRACT. *The article is devoted to the identification of language features of the novel “Forty North Winds” by R. P. Rugin at the lexical level. The analysis of lexemes in semasiological and sociolinguistic aspect will not only make a contribution to solving the problem of idiosyle of the writer, but also*

a deeper and clearer understanding of what the individuality of choice expressive means of the language of the Khanty writer and poet.

KEYWORDS: *lexical analysis; metaphors; epithets; foreign words; lexemes; anthropomorphism; writers; literary creativity; novels.*

ABOUT THE AUTHORS: *Baksheeva Marina Gennadievna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russia).*

Islamova Julia Valeryevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russia).

Лингвистический анализ текста на лексическом уровне языка – очень важная и абсолютно необходимая работа, проводимая с художественным текстом. Язык авторского текста живет по своим законам, имеет особые механизмы порождения художественных смыслов, отличные от используемых в обыденной речи. Слово в художественном тексте, благодаря особым условиям функционирования, семантически преобразуется, включает в себя дополнительный смысл, коннотации, ассоциации. Ни в одном из словарей лексическое значение слова не отражено в том объеме, в котором оно может быть выявлено в тексте.

Целесообразность анализа слов на уровне смысла не вызывает сомнений, так как именно эта сторона тесно связана с идейно-художественной оценкой текста, с его художественным замыслом. Такой анализ помогает проследить важные связи текста и подтекста, обращает внимание на скрытую информацию, позволяет увидеть картину эстетического целого такой, какой задумывал и создавал ее писатель и какой хотел, чтобы воспринимал читатель. Кроме того, лексическому анализу художественных текстов мастеров слова, посвящающих свои произведения народам Севера, уделяется на современном этапе недостаточно внимания, чем обусловлена актуальность проводимой работы.

Российская Федерация отличается большим этнокультурным разнообразием: на ее обширной территории проживают представители почти 200 различных национальностей. К коренным народам Севера относятся ханты и манси (ранее остяки и вогулы), которые старательно оберегают свою многовековую историю и культуру. Эти народы ведут традиционный образ жизни: живут вдали от городов в чумах и юртах, промышляют охотой и оленеводством. Постоянное взаимодействие с приро-

дой оставляет отпечаток на фольклоре, невероятно богатом и разнообразном: сказки, обряды, предания, обычаи и праздники. Все это находит отражение в литературе хантыйских и мансийских писателей, родившихся и выросших в этой среде и сумевших четко и ярко передать быт своего народа.

Творчество авторов Югры является неотъемлемой частью этнокультурного разнообразия всей России, практическая значимость наших изысканий обусловлена также необходимостью сохранения традиции, самобытности и культурного наследия малочисленных коренных народов Севера для будущих поколений.

Цель работы – отметить лексические особенности романа «Сорок северных ветров» Р. П. Ругина.

Роман Прокопьевич Ругин – один из основоположников мощного пласта национальной культуры народов России. Книги известного хантыйского прозаика и поэта посвящены теме патриотизма – любви к отчужденному краю, нелегкой суровой жизни северных народов, проблемам сохранения не только языка, фольклора, гуманной философии, уникальной и самобытной культуры северных народов, но и сохранения неповторимой природы Югорского края.

Одной из лексических особенностей языка Р. Ругина в социолингвистическом аспекте является обильное использование на протяжении всего произведения иноязычных для русского читателя слов. Заимствования встречаются среди онимов, антропонимов, топонимов (названия рек, населенных пунктов)... и умело вводятся автором в контекст.

Используемые антропонимы в основном хантыйско-мансийского происхождения: *Калой, Арсин, Таясь, Юхур, Ека и т. д.*, например: «*Хантыйские христианские имена: ... Юхур, Якур – Егор...*» [Ханты-мансийское имя языка [http](http://)].

Действие в романе разворачивается около селения Порават, название которого также имеет хантыйское происхождение: **Порават** [Хантыйская литература 2010: 340] – небольшое поселение в Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области; от хант. «поры» – приношение, поклонение и «ават» – мыс (т. е. Мыс поклонения духу Священной лиственницы) [Сказание о Поравате [http](http://)].

Акар – имя собаки героя романа – «...охотничья лайка Акар... слово „акар“, если перевести, означает овчарка». Такое же определение лексеме предлагает русско-хантыйский словарь [Соловар [http](http://)]: **Акар** суш. гладкошерстная собака с большими

ушами Ма пеллама вантел акар сѣмен На меня смотрит зло (букв.: глазами собаки) [Хантыйская литература 2010: 262].

С точки зрения сферы употребления в произведении встречается большое количество слов, указывающих на определенную территорию – ойконимы Сибирский, Забереги, Малая Обь..., наименования северной флоры и фауны, названия птиц, рыб, зверей и растений северного края, о котором идет речь в произведении: *Ягель, Осока* [Ожегов [http](http://)], *Олень* [Оленеводство [http](http://)].

Роман «Сорок северных ветров» насыщен экспрессивно и стилистически окрашенной лексикой, встречаются и слова разговорной лексики, помогающие поведать историю нелегкой судьбы простого рабочего человека и его семьи: *охолонуть* [Хантыйская литература 2010: 317], *обождать* [Там же: 356] и др.

В рамках семасиологического аспекта анализа лексики интерес, прежде всего, вызывает игра прямого и переносного значений, порождающая и эстетический, и экспрессивный эффект, что делает текст образным и выразительным посредством приращения смысла к основному понятийному значению.

Ругин часто использует метафору, скрытое сравнение, самой главной функцией которой является эмоциональная окраска речи: *«снежная постель Оби»* [Хантыйская литература 2010: 318], *«снежные заряды»* [Там же: 324], *«грудь реки»* [Там же: 362], *«языки огня»* [Там же: 316]. В тексте встречается и значительное количество сравнений, которые понятны только жителям крайнего севера и не используются нигде больше: *«...губка, как обская нельма...»* [Там же: 275]. В основе выразительного средства – внешний облик северной разновидности белорыбицы из рода сигов [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [http](http://)]. Автор принимает во внимание стройность рыбы при описании главной героини произведения.

Украшают произведение и эпитеты: *«адскому ветру»* [Хантыйская литература 2010: 328], *«нежной нельмы»* [Там же: 348], *«бородатый лишай»* [Там же: 352]. Эмоциональность и экспрессивность в облике персонажа достигаются нарочитым использованием эпитетов и сравнений, подчеркивающих культурные и народные традиции, богатство и самобытность языка, родство человека с природой, например, *Юхур («Сорок Северных Ветров») встречает Арсина «колючим бесцеремонным», «ревнивым» взглядом. Он теряет душевный покой: «...намуренный, ... лицо, как чага березовая, черная...»* [Хантыйская литература 2010].

Эпитеты и метафоры помогают вызвать у читателя эмоции и увидеть авторское отношение к окружающему миру, создать живое представление о предмете.

Так как произведение по большей части содержит картины живой природы, которая у Ругина, как и у большинства северных мастеров художественного слова, антропоморфна, то неудивительно, что оно изобилует олицетворениями: «*порывы ветра почесывали голые прутья*» [Хантыйская литература 2010: 302], «*пурга начала пробовать*» [Там же: 324]. Обращаясь к этому приему, автор создает живой и разнообразный мир окружающей природы.

Творчество Р. П. Ругина пропитано любовью к родному краю. Через описание природы, отношение главных персонажей к окружающему миру чувствуются теплота и забота о месте, где он вырос и был воспитан. Поступки героя в романе Р. П. Ругина «Сорок северных ветров» предопределены «вечным противостоянием» и «вечным единством» людей и природы. И какой бы жестокой ни казалась северная природа, человек Севера с ней органически связан и не может испытывать к ней ненависти или личной обиды. Герои романа Р. Ругина разговаривают на одном языке с природным миром, и тот отвечает им.

Вслед за В. Волошиным, хорошо знающим литературу малых народов Севера, подпишемся под словами, сказанными в адрес самобытного хантыйского писателя: «Ругин ныне один из крупных, значимых писателей Крайнего Севера» [Бард снежной державы 2000].

ЛИТЕРАТУРА

Бард снежной державы. – Екатеринбург, 2000. – С. 69-74. – URL: <http://gcb.ru/cbs/pub/pis/Rugin/Rugin1.htm#spe>. – Текст : электронный.

Ожегов, С. И. Толковый словарь / С. И. Ожегов. – URL: <https://onlinedic.net/ozhegov/page/word17327.php>. – Текст : электронный.

Оленеводство. Северные олени. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/5-olenevodstvo/1.htm>. – Текст : электронный.

Сказание о Поравате (Хантыйское предание). – URL: <http://www.finnougoria.ru/logos/proza/1335/22549/> (дата обращения: 14.04.2019). – Текст : электронный.

Соловар, В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект) языка / В. Н. Соловар. – URL: <https://ouipiir.ru/sites/default/files/docs/635-1402.pdf>. – Текст : электронный.

Хантыйская литература : учеб хрестоматия : в 4-х частях / сост. Е. В. Косинцева. – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. – Ч. 2. – 384 с.

Ханты-мансийское имя языка. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хантымансийское_имя#Национальные_имена. – Текст : электронный.
Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus>. – Текст : электронный.

REFERENCES

Bard snezhnoy derzhavy. – Ekaterinburg, 2000. – S. 69-74. – URL: <http://gcbs.ru/cbs/pub/pis/Rugin/Rugin1.htm#spe>. – Текст : электронный.

Ozhegov, S. I. Tolkovyy slovar' / S. I. Ozhegov. – URL: <https://onlinedic.net/ozhegov/page/word17327.php>. – Текст : электронный.

Olenevodstvo. Severnye oleni. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/5-olenevodstvo/1.htm>. – Текст : электронный.

Skazanie o Poravate (Khantyyskoe predanie). – URL: <http://www.finnougoria.ru/logos/proza/1335/22549/> (data obrashcheniya: 14.04.2019). – Текст : электронный.

Solovar, V. N. Khantyysko-russkiy slovar' (kazymskiy dialekt) yazyka / V. N. Solovar. – URL: <https://ouipiir.ru/sites/default/files/docs/635-1402.pdf>. – Текст : электронный.

Khantyyskaya literatura : ucheb khrestomatiya : v 4-kh chastyakh / sost. E. V. Kosintseva. – Khanty-Mansiysk : IITs YuGU, 2010. – Ch. 2. – 384 s.

Khanty-mansiyskoe imya yazyka. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Khantymansiyskoe_imya#Natsional'nye_imena. – Текст : электронный.

Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. – URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus>. – Текст : электронный.

С. А. Бубнова, Г. В. Заломкина
Самара, Россия

КРИТИКА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ В ТЕКСТАХ ГРУППЫ «RAMMSTEIN»

АННОТАЦИЯ. При детальном рассмотрении составляющих массовой культуры можно прийти к выводу, что ее среда сложна и неоднородна. Культурные тексты могут ориентироваться как на удовлетворение базовых эмоциональных потребностей реципиента, так и поднимать проблемы философского характера. Актуальность данной работы определяется тем, что в ней элемент массовой культуры исследуется как разрабатывающий серьезные идеологические вопросы. Объект исследования – тексты рок-группы «Rammstein», предмет исследования – литературные механизмы критики идеологических доминант современного массового сознания в этих текстах. Цель работы – определить методы, благодаря которым группа «Rammstein» осуществляет критику идеологических символов и деконструирует их. Для реализации указанной цели в работе были выполнены следующие задачи: определен механизм функционирования идеологии, проведен комплексный анализ текстов группы «Rammstein», определена общая направленность критики идеологии в текстах песен группы с точки зрения релевантных философских теорий. В настоящем исследовании была использована следующая методологическая и теоретическая база: теории психоанализа Ж. Лакана; философско-культурологические подходы к идеологии С. Жижека, литературоведческие и культурологические исследования произведений «Rammstein». В качестве дополнительного материала использовались видеоклипы композиций «Rammstein» с целью более детальной интерпретации текстов. В результате исследования определено, что поэтика текстов группы «Rammstein» как элемента массовой культуры имеет контридеологическую направленность и осуществляет критику идеологии на различных уровнях. Область применения результатов работы – литературоведческие и культурологические учебные курсы, а также дальнейшие академические исследования взаимодействия идеологических составляющих массовой культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеология; фантазм; массовая культура; возвышенные объекты; рок-группы; рок-поэзия; поэтические тексты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Бубнова Светлана Александровна, студентка Социально-гуманитарного института, факультета филологии и журналистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: bubnova-svetlana.1@yandex.ru.

Заломкина Галина Вениаминовна, доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: zalomki@yandex.ru.

S. A. Bubnova, G. V. Zalomkina

Samara, Russia

THE CRITIQUE OF IDEOLOGICAL MECHANISMS IN THE LYRICS OF THE BAND “RAMMSTEIN”

ABSTRACT. *If we examine the components of mass culture in detail, we can conclude that its environment is complex and heterogeneous. Cultural texts can be oriented both to meet basic emotional needs of the recipient, and to raise problems of a philosophical nature. The relevance of this work is determined by the fact that it examines an element of mass culture as one developing serious ideological issues. The object of the study is the texts of the rock band “Rammstein”, the subject of the study is the literary mechanisms aimed at the criticism of ideological dominants in modern mass consciousness developed in these texts. The aim of this work is to determine methods by which “Rammstein” criticizes ideological symbols and deconstructs them. To achieve this goal, the following tasks were performed: the mechanism of ideology’s functioning was determined, a comprehensive analysis of Rammstein’s texts was conducted, and the general direction of ideological criticism in the band’s lyrics was determined in the light of relevant philosophical theories. In this study, the following methodological and theoretical base was used: J. Lacan’s psychoanalytic theory; S. Žižek’s philosophical and cultural approaches to the ideology, theoretical studies of “Rammstein’s” works. “Rammstein’s” videos were used as the additional material for a more detailed interpretation of their lyrics. As a result of the research, it is determined that the poetics of “Rammstein’s” texts as an element of mass culture has a counter-ideological orientation and criticizes ideology at various levels. The application area of the study results is university courses in literary theory and culturology as well as further academic research of the interaction between ideological components of mass culture.*

KEYWORDS: *ideology; phantasm; Mass culture; sublime objects; rock groups; rock poetry; poetic texts.*

ABOUT THE AUTHORS: *Bubnova Svetlana Aleksandrovna, Student of the Institute of Social Sciences and Humanities, the Faculty of Philology and Journalism, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev (Samara, Russia).*

Zalomkina Galina Veniaminovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev (Samara, Russia).

Современный социальный дискурс достаточно часто сводится к анализу проблем идеологического характера. Идеология проявляет себя не только на уровне политического мировоззрения, ее влияние распространяется и на другие социальные и культурные процессы. Первые выпады против подобного доминирования идеологии осуществляли французские материалисты еще в эпоху Просвещения, но в основном они были направлены против догматов католической церкви. Комплексная критика идеологии была сформирована в эпоху модерна. К. Маркс подвергал сомнению ее телеологические и ориентационные функции, затем такие мыслители как Ж. Делез, М. Фуко, Р. Барт и С. Жижек высказывались об «иллюзорности» идеологии. Ж. Бодрийяр критиковал потребление как основную идеологию общества постмодерна.

Славой Жижек в книге «Возвышенный объект идеологии» дает следующее определение идеологии: «Самым простым определением идеологии является, возможно, известное изречение из „Капитала“ Маркса: „Sie wissen das nicht, aber sie tun es“ – „Они не сознают этого, но они это делают“. Сама суть идеологии предполагает своего рода исходную, определяющую *païveté*: превратное понимание собственных предпосылок, своих действительных условий, дистанцию, разрыв между так называемой социальной действительностью и нашим искаженным представлением о ней, нашим осознанием ее» [Жижек 1999: 18]. Так, идеологическая доктрина быстрее всего «захватывает» сознание субъектов, которые не подвергают сомнению и проверке получаемую информацию из готовых источников и довольствуются поверхностным знанием об общественной жизни страны и мира. То есть идеология – это, в первую очередь, восприятие реальности. Поэтому цель критики идеологии заключается в том, чтобы «привести наивное идеологическое сознание к точке, в которой оно способно распознать свои действительные условия – искаженную им действительность – и именно этим действием разрушить его» [Жижек 1999: 18]. Однако для более тонкой критики идеологии недостаточно увидеть действительное положение вещей, необходимо понять, почему они не могут существовать без идеологического искажения.

Культура эпохи постмодерна во многом ориентируется на возбуждение и удовлетворение желаний и приобретает характер массовости. Она воспринимается как поставщик бесконечных развлечений, если она и обращается к каким-то идеям, то, как правило, раскрывает их содержание поверхностно. Из всех видов искусств музыка имеет самую широкую и разнообразную аудиторию. Скорость ее распространения и потребления не сравнится ни с живописью, ни с литературой. Кроме того, что музыка стала неотъемлемой частью жизни большинства людей, это еще и самый доступный и быстрый способ удовлетворить потребность в эмоциях, не прекращая своей повседневной деятельности. Музыка воздействует не только на самоощущение субъекта, но может влиять и на восприятие реальности, порождая различные фантазии. Поэтому для большинства артистов так важно, чтобы смысловая составляющая песни передавала сиюминутные ощущения, либо рассказывала историю, похожую на историю потенциального фаната.

Тем интереснее наблюдать за небольшим числом исполнителей, которые через все свое творчество проносят конкретные идеи и интерпретируют их, не стремятся увести слушателя от реальности или сблизиться с ним, апеллируя к его особенностям, но показывают сам механизм функционирования идеологии и то, как она на нас воздействует. Немецкая металл-группа «Rammstein» входит в этот круг музыкантов. Автором текстов с самого начала существования группы является Тилль Линдеманн.

В России он известен как рок-исполнитель и фронтмен рок-группы «Rammstein», однако в Германии его также знают как поэта. Переводы его стихотворений недавно начали появляться и в России. В 2002 году он выпустил свой первый сборник стихов «Messer», а в 2013 году был опубликован второй сборник «In stillen Nächten». В поэтике Линдемана угадывается влияние черного романтизма, готицизма, а также немецкого экспрессионизма. В статье, посвященной поэтике Линдемманна, А. Е. Крашенинников пишет: «Для поэтики Т. Линдемманна характерны апокалиптические настроения, а также мотивы смерти и болезней, гнойных выделений и грубого сексуального вождления. Как отмечает К. Мензинг в рецензии на сборник „Messer“, поэт берет из прошлых литературных направлений все то, что помогает выразить разрушение и гибель <...> От барочного Weltende до экспрессионистских Wasserleichen, от кроваво-красных романтических вечерних настроений до умирающих танцоров fin de siècle –

Т. Линдемманн взял все, что пахнет разложением и разрушением» [Крашенинников 2018: 269]. Исследователь приходит к выводу, что за «внешним эпатажным представлением он работает на усиление основного мотива – одиночества человека в современном буржуазном мире» [Крашенинников 2018: 270]. Таким образом, становится ясно, что Тилль Линдемманн не только является популярным рок-исполнителем, но также становится частью мирового литературного процесса, поэтому рассмотрение песен группы «Rammstein» в аспекте критики идеологии представляется логически обоснованным.

В начале своего музыкального пути группа планировала петь на английском языке, но после нескольких неудачных попыток пришла к выводу, что чужой язык не способен вместить желаемые смыслы, которые просто потерялись при переводе. Первый дебютный альбом «Rammstein» подвергся критике за заглавное фото, на котором они, по словам критиков, изображали себя как высшую расу. Хотя группа и обращалась к нацистским символам, она опровергла симпатии к нацизму, приписываемые ей прессой, тем, что никто из участников не является истинным немцем. В песне «Links 2-3-4» группа напрямую отвергает национализм и поет, что их «сердце бьется слева», подразумевая политические убеждения, которые несовместимы с национализмом. Для «Rammstein» не существует табу, одновременно серьезный и ироничный тон шоу и аллегоричность в образах формируют неоднозначное впечатление и порождают различные интерпретации. Группа затрагивает темы насилия и секса, а ее концертные выступления будто призывают к всеобщему акту любви, с чем в интервью соглашались сами артисты. Сексуальный подтекст их песен и выступлений не раз провоцировал конфликты с прессой и властными структурами. Так, в 2010 году группа выступала в Минске, где совет ветеранов обвинил ее в неприкрытой пропаганде жестокости, гомосексуализма и садомазохизма, но несмотря на это концерт собрал рекордное число зрителей: более 11000 человек. А международный музыкальный фестиваль «Рок над Волгой» не проводился семь лет по причине эпатажного выступления «Rammstein». На данный момент группа существует уже 26 лет, а ее песни не теряют своей актуальности даже среди нового поколения, из чего можно предположить, что смысл текстов не ограничивается пропагандой сексуального насилия и банального нарушения запрета.

Принципы работы с идеологией в текстах песен группы «Rammstein» можно рассматривать через теорию Лакана как игру с взаимосвязью Реального, Символического и Воображаемого. В определении С. Жижека «реальное само по себе – дыра, разрыв, незамкнутость в самом средоточии символического порядка. Это нехватка, вокруг которой и структурируется символический порядок» [Жижек 1999: 83]. То есть это «остаток» процесса символизации, некий «эксцесс», который может не существовать в действительности, но обладать рядом качеств – «оно связано со структурными изменениями, оно может вызвать ряд следствий, эффектов в символической действительности субъектов» [Жижек 1999: 80]. На основе этих признаков Жижек, интерпретируя Лакана, сближает Воображаемое и Реальное, обозначая последнее как избыточное наслаждение. Избыточное наслаждение не достижимо, оно обретает свой статус, становится «избыточным» только в процессе символизации, когда ребенок сталкивается с Реальным и «узнает» свое желание. На основе этого столкновения формируется ряд аффектов, которые и эксплуатируются идеологией, замещающей Реальное возвышенным объектом, который служит целям ее распространения и пропаганды, потому что там, где начинается Реальное, кончается идеология. Как правило, столкновение с Реальным происходит в детстве, когда ребенок меньше всего закован в идеологические рамки и не подвергает свои действия морально-этической оценке. После пережитого травматического опыта на них налагается запрет, «родительское „нельзя“», и Реальное отождествляется с избыточным наслаждением. Набор аффективных реакций, возбужденных этим опытом, человек переживает всю последующую жизнь, возвращаясь к ним как к воспоминанию и интерпретируя их уже через призму идеологического восприятия, сформированного общественным опытом, все больше отдаляясь от травматической реальности.

«Rammstein» рассматривает Реальное как избыточное наслаждение, лишённое каких-либо морально-этических норм. Это желание, основанное на удовлетворении инстинктивного начала, которое и заставляет человека жить и стремиться к его осуществлению. Но реализация избыточного наслаждения невозможна, поэтому его место всегда занимает объект, который воспринимается как «возвышенный» именно потому, что он «занимает священное/запретное место *jouissance*» [Жижек 1999: 95]. Жижек характеризует возвышенный объект как «объект или

действие, которые могут быть совершенно банальными (общий ужин, выход из дома). Но стоит только им занять священное/запретное, пустое место в Другом – и они окажутся окружены множеством непреодолимых препятствий; объект или действие в самой своей примитивности станут недостижимыми или невыполнимыми...» [Жижек 1999: 95]. Так, возвышенный объект своим присутствием скрывает нехватку в Другом, бессмысленность идеологии и ее ориентацию только на достижение собственных целей. Разоблачение идеологической иллюзии возможно только через соприкосновение с этим объектом или действием: «Возвышенный объект – это такой объект, к которому нельзя подходить слишком близко: стоит приблизиться – и он теряет признаки возвышенного и превращается в самый обычный заурядный предмет, он может сохраниться только в паузе, в промежуточном состоянии, видимым не отовсюду, полускрытым» [Жижек 1999: 83]. После этой операции приближения субъект не обнаружит ничего кроме себя, перешагнувшего «по ту сторону».

В стремлении приблизиться к возвышенному объекту, субъект создает фантазм. Фантазм – это сценарий получения наслаждения, возникающий под влиянием запрета. В то время как субъект думает, что фантазм приближает его к реальному объекту желания, идеология использует фантазм как средство поддержания собственной доктрины, вплоть до того, что субъект может даже не знать, что именно он желает. На самом деле это не более чем манипуляция. Именно благодаря запрету и создается фантазм, который не дает субъекту соприкоснуться с этим возвышенным объектом, чтобы не разрушить идеологическую иллюзию и не обнаружить идеологическую пустоту. Совокупность перечисленных процессов и составляет работу идеологии.

Такой идеологический цикл наглядно представлен, на наш взгляд, в песне «Puppe». Текст начинается с запрета сестры лирического героя на знание истинного положения вещей: «Wenn Schwesterlein zur Arbeit muss // Schließt mich im Zimmer ein»¹. Куклу, которую она подарила, чтобы ребенок не чувствовал себя одиноким, он идентифицирует с этим запретом и воспринимает ее как преграду к наслаждению, поэтому каждую ночь отрывает ей голову, пытаясь получить удовольствие: «Ja, ich rei' ich der Puppe den Kopf ab // Und dann bei' ich der Puppe den Hals ab //

---

¹ «Когда сестренке надо поработать // Она запирает меня в комнате».

Es geht mir nicht gut, nein!»¹. Но фантазм о нарушении запрета, убийство куклы, не может доставить ребенку удовольствия, потому что возвышенным объектом является знание лирического субъекта о том, что происходит с его сестрой в соседней комнате, от которого он дистанцирован. Когда он подсматривает в замочную скважину (не важно фантазия ли это или реальное событие), то он нарушает запрет, и символический порядок разрушается. В роли наблюдателя он «соприкасается» с возвышенным объектом, который больше не может продолжать свое существование, поэтому сестра умирает, и происходит столкновение с травматическим Реальным: «Ich sehe zu durchs Schlüsselloch // Und einer schlug sie tot»². Убийство сестры одним из мужчин – это процесс символизации, столкновение ребенка с неприкрытым насилием, которое определяет и формирует избыточное наслаждение субъекта – теперь он «узнает» свое желание. Первоначальный фантазм трансформируется и обретает конкретное содержание, ребенок наконец получает удовольствие: «Und jetzt reiß' ich der Puppe den Kopf ab <...> Jetzt geht es mir gut, ja!»³. Кукла становится символом этого столкновения и напоминанием о полученном наслаждении, место запретного jouissance занимает неосуществимое героем убийство сестры. Поэтому механистичность отрывания головы у куклы не пропадает: несмотря на то, что ему снова и снова становится хорошо, ему этого мало, он продолжает отрывать ей голову. Так, символический порядок возобновляется, реализация одного фантазма – о нарушении запрета, приводит к возникновению нового – об убийстве сестры. Идеологическая иллюзия в пространстве текста углубляется, герой уже сталкивается не с запретом, но с невозможностью получить избыточное наслаждение, и идеологический цикл возобновляется.

Понимание механизмов и идеологических продуктов запрета позволяет интерпретировать песню «Radio». Самая простая версия такой интерпретации может быть сформулирована так: лирический герой живет в тоталитарном мире, где запрет налагается на любые проявления индивидуальности и где высвобождение его тайного желания возможно только через прослушивание музыки по радиоприемнику. Однако при вторичном

---

¹ «Да, я отрываю кукле голову // А потом кусаю куклу за шею // Мне не хорошо, нет!»

² «Я подсматриваю в замочную скважину // И один ударяет ее она мертва».

³ «И теперь я отрываю кукле голову <...> Теперь мне хорошо, да!»

прочтении и просмотре клипа, ситуация предстает под другим углом. Уже в первой строчке песни обозначается запрет на наличие идентичности: «Wir durften nicht dazugehören, // Nicht sehen, reden oder hören»¹. Это начало довольно парадоксально, так как любая идеология опирается на идею некоей идентичности. Несмотря на запрет к прослушиванию большинства песен, лирическому субъекту каждую ночь на некоторое время удается уловить музыку, благодаря которой он слышит то, чего не видит, уходит в пространство без границ и предаваться фантазии. Фантазм, в который погружается герой, – это «то средство идеологии, которое позволяет ей заранее принимать в расчет свои огрехи» [Жижек 1999: 65]. Идентичность, запрещенная законом, становится возможна благодаря радиоприемнику, который в свою очередь является средством распространения идеологии. Коммуникация становится возможной в пространстве фантазма, создаваемого музыкой: «So höre ich, was ich nicht seh, // Stille heimlich fernes Weh»². В клипе музыка подменяется радиоприемником как единственным средством ее передачи, она получает материальное воплощение и становится возвышенным объектом идеологии. Женщины занимаются с ним любовью, монахини бичуют себя перед ним. Музыка же становится условием для возникновения фантазма. Избыточное наслаждение, которое воплощается в клипе в раскрепощении сексуальности, является следствием запрета: «отказ от наслаждения и производит прибавочное, избыточное наслаждение...» [Жижек 1999: 45]. В одном из кадров клипа видно, что на груди у протестующей девушки написано: «Mein Radio gehört mir»³. Возвращаясь к первоначальной мысли об основании идеологии, можно заметить, что именно запретное удовольствие и является идентичностью, которую якобы не может иметь лирический субъект, но которую автоматически приписывает ему идеология – он должен стремиться испытать это запретное недостижимое наслаждение, чтобы идеология продолжала существовать. В конце клипа исполнители «Rammstein», чьи органы власти находят в закрытом помещении под названием «Radio Berlin», оказываются голограммой, когда полиция пытается их арестовать, они покидают здание. Когда девушка подбегает к ним и пытается дотро-

---

¹ «Мы не должны были к чему-либо принадлежать, // Видеть, говорить или слышать».

² «Так я слышу то, чего не вижу // Тишину, тайную далекую боль».

³ «Мое радио принадлежит мне».

нуться до своего объекта желания, то группа растворяется в воздухе. Эта девушка оказывается случайным субъектом, перешагнувшим по ту сторону идеологической иллюзии и не нашедшем там ничего кроме себя самого. Группа «Rammstein» отождествляется с самой музыкой, которая является Ничто, но исчезновение которой разрушает пространство фантазма, скрывающего нехватку в Другом. После растворения группы в воздухе идеология лишается вуали и тем самым обнажает свою пустоту.

Таким образом, «Rammstein» обнажает механизм идеологии и демонстрацией своего виртуального присутствия разрушает ее в пространстве клипа.

Также идеология использует фигуру Большого Другого для манипулирования желаниями субъекта. «Другой с большой буквы – это бессознательный адресат речи, или, как его называет Лакан, „место речи“, куда обращено желание субъекта» [Фатнева 2007: 58]. Он может быть реальным объектом или проекцией – тем, кто фантазматически удовлетворяет желание субъекта. Другой напрямую соотносится с психоаналитической структурой Сверх-Я. Идеология обращается к моральным и религиозным установкам человека через фигуру Большого Другого и формирует желание субъекта. Рассуждая о политике католицизма в фильме-мюзикле «Звуки музыки», в котором мать-настоятельница дает главной героине совет следовать своим желаниям, Жижек говорит: «Если почитать умную пропаганду католицизма и постараться понять какую сделку они тебе предлагают, то можно увидеть, что они не запрещают сексуальные удовольствия – это куда более циничный, скажем так, контракт между церковью как институтом и верующим. Тебя защищает священный Большой Другой, ты можешь делать, что хочешь, – наслаждайся!» [Файнс 2012]. Идеология использует фигуру Большого Другого, чтобы создать дистанцию между субъектами и травматической реальностью. Таким образом, Большой Другой – это основополагающий элемент любой идеологической системы, в котором сочетаются два различных аспекта. В одном случае Большой Другой может восприниматься как тайный порядок вещей, божественное провидение, контролирующее нашу жизнь и придающее смысл нашим действиям. В другом случае – как тот, ради кого необходимо поддерживать внешний, символический порядок.

В песне «Hallelujah» Rammstein показывает функционирование этого контракта между церковью и верующим, основанно-

го на разрешении Большого Другого получать наслаждение. Священник является примером «истинного христианина», на его стене висит образ Господа, и он вытирает пятна с Библии, то есть снимает с нее противоречия, которые не вписываются в готовую идеологическую систему: «Er ist ohne Weib geliebt // So muss er seinen Nächsten lieben»¹. В словаре ABBYY Lingvo сказано, что слово «Weib» – это одновременно устаревшее и разговорное «женщина», а в южно-немецком – поэтическое – «жена». Также оно появляется в тексте Священного писания в значении женщина с нейтральным оттенком. В современном немецком языке слово «Weib» приобрело стилистически сниженный оттенок и переводится как «баба», «бабенка». С помощью такой языковой игры «Rammstein» показывает двойственность положения женщины в глазах церкви. Здесь можно вспомнить отношение Платона к женщине как репродуктивному объекту, недостойному истинной любви, которая возможна только между мужчиной и юношей. Здесь сексуальные отношения между священником и мальчиком из хора ритуализируются и приобретают характер возвышенных, якобы позволяют изгнать грех из души юноши. Фраза «Возлюби ближнего своего» трактуется священником, лицом идеологической структуры, как призыв к сексуальному удовольствию. Педофилия католических священников – это «институциональное бессознательное – проявление тайной, не признаваемой обратной стороны, на которой (именно потому, что о ней молчат) и держится общественная институция» [Жижек 2017: 129]. Поэтому Большой Другой не должен этого видеть, сексуальный контакт совершается как бы в его отсутствие – священник переворачивает образ Господа на своем ночном столике. Приказ «Dreh dich um»² может быть направлен как от священника к подростку, как от автора к служителю церкви с призывом показать свое истинное лицо, так и к самому Большому Другому, который всегда остается спокоен и безмолвен, которого просто не существует.

Вступительный текст песни «Zeig dich» отсылает к церковным формулам, которые кажутся знакомыми из-за музыкального оформления и латинских конструкций: «Exmustamus, cruchifixus // Murisuri, extraspection // Exmustamus, cruchifixus // Lumine, extraspection». Если обратиться к этимологии этих слов, то можно найти корневые совпадения с латинскими словами. Так,

---

¹ «Он остался без женщины // И должен возлюбить ближнего своего».

² «Поворачивайся».

например, «Exmustamus» могло быть образовано от латинского слова «mustum» («вино», «сусло для вина»), «crucifixus» – от «crucifixus» («распятый»), «murisuri» – от сочетания «murus» («стена») и «surus» («кол», «ветвь»), «lumine» – от «lumen» («свет»), а «extraspexion» можно перевести как «взгляд извне». Исходя из этой интерпретации, можно заметить, что Rammstein используют некоторые слова, близкие церковной тематике, делают их не декодируемыми и облачают в форму церковной музыки, тем самым деконструируя язык католической церкви.

Далее в тексте перечисляются злодеяния священнослужителей: «Verstecken, verzichten, // Verbrennen und vernichten, // Verhütung verboten, // Verstreuen sie Gebote <...> Verbreiten, sich vermehren // Im Namen des Herren»¹. «Rammstein» показывает, что католицизм, как любая идеология, преследует только собственные цели, основанные на эксплуатации образа Другого. Призыв «Покажись», как и в «Hallelujah», обращен и к священникам, и к Бору: «Wir verlieren das Licht. // Zeig dich. // Kein Engel in der Not, // Kein Gott zeigt sich, // Der Himmel färbt sich rot»². Слепота и молчание Бога указывают на его несуществование, он оказывается не более чем предлогом для обоснования идеологии католицизма. Композиция закольцовывается, и то, что в начале, казалось, имеет какой-то смысл, оказывается симулякром, набором бессмысленных идеологически нагруженных слов. Через деконструкцию языка католической церкви «Rammstein» обнажает не только пустое содержание ее идеологии, но и через повторение несуществующей церковной формулы показывает неизбежность ее позиции, тем самым разрушая идеологические конструкции для слушателей, субъектов идеологии, и показывая, что «идеология служит исключительно своим собственным целям и ничему больше» [Жижек 1999: 44].

Текст песни «Dalai Lama» отсылает не только к распространенной легенде, но непосредственно к стихотворению И. В. Гете «Erlenkönig» («Лесной царь»). Линдемманн заимствует сюжет, но адаптирует его под современные реалии и видоизменяет первоначальную идею. В статье «Параллели с классической немецкой литературой в лирике „Раммштайн“» А. С. Тру-

---

¹ «Скрываются, отказываются, // Сжигают и уничтожают, // Запрещают контрацепцию, // Разбрасывают заповеди <...> Плодятся и размножаются // Во имя Господа».

² «Мы теряем свет. // Покажись. // Ангел не приходит в беде, // Бог не показывается, // Небо окрашивается красным».

шина сопоставляет оригинальный текст стихотворения Гете с текстом «Rammstein» и приходит к выводу, что несмотря на многие сходства с гетевским произведением, «сюжет-история об отце, сыне и потусторонней силе предстает перед слушателем в новом свете» [Трушина 2019: 82]. В отличие от «Erlenkönig» в «Dalai Lama» пограничное состояние ребенка выражается не через болезнь, но через сон, то есть не через физическую близость к смерти, а через соприкосновение с бессознательным. Отец и ребенок сидят в тепле и безопасности и летят в самолете на день рождения мамы – разворачивается картина спокойствия и защищенности людей, погруженных в свои заботы и планы. Но вмешивается «небесный царь», который хочет забрать ребенка и сделать его своим сыном. Можно подумать, что к герою является Бог, однако сам ребенок обращается к другому образу Господа: «Himmel nimm zurück den Wind // Bring uns unversehrt zu Erden»¹. Он называет Голос, который слышит с небес, «der König aller Winde»², однако рассказчик называет его «der Herr im Himmel»³. Здесь считывается противопоставление христианского бога божеству языческому, но интересно другое. Ребенок обращается к Большому Другому, который, как он думает, может его защитить, когда это не в состоянии сделать отец, как будто не слышащий грома. Но Большой Другой как обычно безмолвен, идеологическая конструкция начинает выходить из строя, как и механизм самолета. На пороге гибели люди превращаются в «человеческий груз» («die Menschenfracht»), стираются социальные категории. Лозунг идеологии, воплощенной в образе отца, сформулирован как «Мы должны жить пока не умрем» («Wir müssen leben bis wir sterben») или иначе «мы не должны помнить о смерти». Это значит, что если субъект приближается к переживанию смерти, то любые идеологические конструкции разрушаются. Голос с небес воплощает травматическое Реальное, саму смерть. Чем ближе возможное столкновение с Реальным, тем сильнее идеология пытается его предотвратить – отец сильнее сжимает ребенка. В итоге он душил его собственными руками и сам способствует этому столкновению. Ушедшая душа ребенка становится Голосом, поглощается травмой: «So der Vater mit den Armen // Drückt die Seele aus dem

---

¹ «Небо забери ветер // Верни нас невредимыми на землю».

² «Король всех ветров».

³ «Господин / Господь в небесах».

Kind // Diese setzt sich auf den Wind und singt: // Komm her, bleib hier // Wir sind gut zu dir»¹.

Таким образом, «Rammstein» обличает беспомощность идеологии перед катастрофическим, стихийным Реальным, которое она способна скрывать до тех пор, пока оно случайно не вторгается в жизнь.

В песне «Spring» показано романтическое противопоставление свободного человека и толпы. Вертикальная оппозиция (человек – на мосту, люди – внизу) и вдохновенные, выходящие за рамки обыденных желания юноши (посмотреть вечернее небо) раскрывают идею возвышения над толпой и непричастность к ней. Юноша воспринимается как угроза разрушения символического порядка, и поэтому подвергается идеологической интерпретации. Но «внешняя угроза, с которой борется община, оказывается ее собственной внутренней сутью» [Жижек 2017: 25]. Лирический герой, от лица которого ведется повествование, может перемещаться по этой вертикали, оставаясь незамеченным, что указывает на его статус «цинического субъекта», который «вполне отдает себе отчет в дистанции между идеологической маской и социальной действительностью, но тем не менее не отказывается от маски» [Жижек 1999: 18]. Его функция – поддержание идеологической иллюзии. Поэтому именно он толкает юношу с моста, чтобы удовлетворить потребности толпы в насилии. Ритуал такого чудовищного жертвоприношения становится экраном, на котором разворачивается фантазия о собственном самоубийстве. Герой объясняет свой поступок как «избавление юноши от позора», следовательно, стыда, который он как «субъект, предположительно знающий», должен испытывать за то, что он не соответствует символическому мандату, накладываемому на него идеологией: «Trete ihm von hinten in den Rücken // Erlöse ihn von dieser Schmach»². Это расщепляет и истеризует субъекта, который задает ожидаемый вопрос: «Что я сделал?» Здесь очевидна аллюзия на библейский сюжет о распятии Христа. Как и Иисус, герой обращает свой вопрос к Богу / Большому Другому, который остается без ответа. «Rammstein» переворачивает смысл христианского мифа. Если в оригинальном сюжете распятие Христа – это жертва, направленная на то, чтобы показать людям, что Бог ничего от них не

---

¹ «Отец собственными руками // Выжимает душу из ребенка // Она садится на ветер и поет: // Иди сюда, останься здесь // Мы будем добры к тебе».

² «Толкаю его сзади в спину // Освобождаю его от этого позора».

хочет, что он не является идеологическим Большим Другим, ради которого поддерживается символический порядок, и сам разрушает его тем, что раскрывает бессмысленность жертвы, то в тексте «Rammstein» бессмысленная жертва напротив поддерживает идеологическую доктрину. В пространстве текста идеологическая доктрина может существовать только в условиях, где смысл жертвы заключается в ней самой: «ценность жертвы состоит в самой ее бессмысленности, цель жертвы – в ней самой. Ты должен видеть позитивность жертвы в ней самой, а не в ее целях, – именно это отречение, этот отказ от наслаждения и производит прибавочное, избыточное наслаждение...» [Жижек 1999: 43].

В пассивном истерическом акте толпа разоблачает свою чудовищную обязанность получать удовольствие. Иначе говоря, они кричат: «Освободи меня от фантазма твоей смерти, дай мне наконец испытать наслаждение». Толпа переносит свое «влечение к смерти» на героя, который приобретает статус «субъекта, предположительно наслаждающегося», и выполняет роль Другого, посредством которого люди могут оставаться пассивными и переживать свой фантазм [Жижек 2005: 23].

Кроме возвышенного объекта и фигуры Большого Другого «идеология эксплуатирует язык как средство достижения своих собственных целей» [Зекрист 2012: 66]. Языковая среда во многом определяет сознание субъекта и его восприятие окружающей действительности. Языковые идеологии – это термин, который «обозначает установившиеся в языковом коллективе традиции отношения к своему языку и предпочтения в применении своего или чужого языка в тех или иных ситуациях общения, в тех или иных дискурсах» [Опарина 2017: 176]. Языковая идеология разграничивает людей на тех, кто владеет «высоким» языком и потому способен к мыслетворчеству, и тех, кто им не владеет, то есть она определяет, разрешается ли человеку обсуждать в обществе ту или иную тему и услышат ли его. Например, так как в Америке запрещена дискриминация по расовому признаку, она начинает доминировать в языковом пространстве. «В США под стандартным языком понимается язык белых американцев, которые относятся к верхушке среднего класса или к среднему классу» [Скачкова 2015: 100], а течения, определяющиеся с этой позиции маргинальными, остаются в тени. Субъект, владеющий «высоким» языком, перекладывает ответственность за успешность коммуникации на партнера по коммуникативному акту, который должен сделать так, чтобы собеседник

понял его. Идеология стандартного языка ставит своей целью достижение гомогенности «идеального» языка.

Функционирование языковой идеологии показано в песне «Amerika», написанной на немецком и английском языках. «Rammstein» использует разговорную английскую лексику, обыгрывая ее немецкими словами, которые при переводе нагружаются идеологическим значением. Так, эпитет «wunderbar» (нем. «чудесный»), характеризующий Америку, ближе к концу песни превращается в «Wonderbra», американскую товарную марку, производящую бюстгалтеры с эффектом увеличения груди, что наводит на мысли об иллюзорности «американского чуда». Место лирического субъекта в тексте занимает то одно, то другое сознание. В куплете доминирует сознание самой Америки: «Auch wenn ihr euch alleine dreht // Laßt euch ein wenig kontrollieren»¹, а в припеве слышен голос автора, который поет «песню не о любви». При этом Америка «говорит» на немецком языке, а автор эксплуатирует английский язык для деконструкции образа этой страны. Таким образом, Rammstein не только поднимает актуальную проблему утраты языковой идентичности в Германии, которая получила название «Denglisch», но и разрушает американскую языковую гомогенность.

Также Rammstein рассказывает о смене доминирующих идеологий. Автор говорит: «I don't speak my mother tongue»². Идея «родного языка» являлась ключевой для нацизма, эксплуатировавшего традиционные понятия о доме и крепкой семье. Американская капиталистическая идеология основана уже не на традиционных ценностях, а на идее «общего потребления», которая получила гораздо большее распространение: «We're all living in Amerika»³. Поэтому символы Америки обнаруживаются в других странах и даже на других континентах: «Nach Afrika kommt Santa Claus // Und vor Paris steht Micky Maus»⁴. «Coca-Cola», символизирующая Америку, по Жижек, представляет собой не просто потребляемый продукт, но товар, нагруженный идеологическим содержанием. Парадокс «Coca-Cola» заключается в том, что она не утоляет жажду: чем больше человек ее пьет, тем больше ему хочется пить. Это объектно-ориентированное желание, необходимое для того, чтобы про-

---

¹ «Даже если вы кружитесь сами // Позвольте вас немного контролировать».

² «Я говорю не на родном языке».

³ «Мы все живем в Америке».

⁴ «В Африку приходит Санта-Клаус // А перед Парижем стоит Микки Маус».

должать желать, а следовательно, потреблять, тем самым поддерживая идеологическую доктрину.

Проделанная работа дает понять, что не все элементы массовой культуры нацелены исключительно на развлечение и удовлетворение базовых эмоциональных потребностей субъекта. Поэтика «Rammstein» наполнена литературными отсылками к немецкому фольклору, немецкой и мировой литературе. Обращение к архаичным, табуированным и отвратительным темам и образам обосновано формированием нового взгляда на представленные проблемы. Главная особенность поэтики «Rammstein» заключается в том, что группа обращается к идеологическим механизмам, деконструирует их и обнажает принципы функционирования идеологии. Именно все вышеперечисленное позволяет говорить о текстах рок-группы не как о товаре массовой культуры, но как о произведении искусства, обогащающем и расширяющем мировоззрение реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек ; пер. с англ. В. Софронова. – М. : Художественный журнал, 1999. – 114 с. – URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/jijek-vozv_o_ideologii-8l.pdf (дата обращения: 27.05.2020). – Текст : электронный.

Жижек, С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм / С. Жижек ; пер. с англ. А. Смирнова ; под ред. В. Мазина и Г. Рогоняна. – СПб. : Алетейя, 2005. – 156 с. – (Серия «Лакановские тетради»).

Жижек, С. О насилии / С. Жижек ; пер. с англ. А. Смирнова и Е. Ляминой. – М. : Издательство «Европа» ; КДУ, 2017. – 184 с.

Зекрист, Р. И. Идеологически нагруженный язык как орудие власти / Р. И. Зекрист. – Текст : электронный // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 35 (289). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskii-nagruzhennyi-yazyk-kak-orudie-vlasti> (дата обращения: 27.05.2020).

Киногид извращенца: идеология (The Pervert's Guide to Ideology, реж. Софи Файнс, 2012). – URL: <https://www.imdb.com/title/tt2152198/> (дата обращения: 27.05.2020). – Текст : электронный.

Крашенинников, А. Е. Поэтика Т. Линдеманны: готицизм, темный романтизм, экспрессионизм / А. Е. Крашенинников. – Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 9-2 (87). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-t-lindemanna-gotitsizm-tyomnyu-romantizm-ekspressionizm> (дата обращения: 27.05.2020).

Опарина, Е. О. Языковая идеология как фактор, влияющий на функционирование языка в современных условиях / Е. О. Опарина. – Текст : электронный // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные ас-

пекты. – 2017. – № 1-2 (28-29). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-ideologiya-kak-faktor-vliyayuschiy-na-funktsionirovanie-yazyka-v-sovremennykh-usloviyakh> (дата обращения: 27.05.2020).

Скачкова, И. И. Языковая политика и идеология стандартного языка в США / И. И. Скачкова. – Текст : электронный // Известия ВГПУ. – 2015. – № 2 (97). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-i-ideologiya-standartnogo-yazyka-v-ssha> (дата обращения: 27.05.2020).

Трушина, А. С. Параллели с классической немецкой литературой в лирике «Раммштайн» / А. С. Трушина. – Текст : электронный // Пензенский государственный технологический университет. – 2019. – С. 79-84. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37185576> (дата обращения: 27.05.2020).

Фатнева, О. В. О категории «другой» в структурном психоанализе / О. В. Фатнева. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 302. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kategorii-drugoy-v-strukturnom-psichoanalize> (дата обращения: 27.05.2020).

REFERENCES

Zhizhek, S. Vozvysennyy ob"ekt ideologii / S. Zhizhek ; per. s angl. V. Sofronova. – М. : Khudozhestvennyy zhurnal, 1999. – 114 s. – URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/jijek-vozv_o_ideologii-8l.pdf (дата обращения: 27.05.2020). – Текст : электронный.

Zhizhek, S. Interpassivnost'. Zhelanie: vlechenie. Mul'tikul'turalizm / S. Zhizhek ; per. s angl. A. Smirnova ; pod red. V. Mazina i G. Rogonyana. – SPb. : Aleteyya, 2005. – 156 s. – (Seriya «Lakanovskie tetradi»).

Zhizhek, S. O nasilii / S. Zhizhek ; per. s angl. A. Smirnova i E. Lyaminoy. – М. : Izdatel'stvo «Evropa» ; KDU, 2017. – 184 s.

Zekrist, R. I. Ideologicheski nagruzhenyy yazyk kak orudie vlasti / R. I. Zekrist. – Текст : электронный // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 35 (289). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheski-nagruzhenyy-yazyk-kak-orudie-vlasti> (дата обращения: 27.05.2020).

Kinogid izvrashchentsa: ideologiya (The Pervert's Guide to Ideology, rezh. Sofi Fayns, 2012). – URL: <https://www.imdb.com/title/tt2152198/> (дата обращения: 27.05.2020). – Текст : электронный.

Krasheninnikov, A. E. Poetika T. Lindemanna: gotitsizm, temnyy romantizm, ekspressionizm / A. E. Krasheninnikov. – Текст : электронный // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2018. – № 9-2 (87). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-t-lindemanna-gotitsizm-tyomnyy-romantizm-ekspressionizm> (дата обращения: 27.05.2020).

Oparina, E. O. Yazykovaya ideologiya kak faktor, vliyayushchiy na funktsionirovanie yazyka v sovremennykh usloviyakh / E. O. Oparina. – Текст : электронный // Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty. – 2017. – № 1-2 (28-29). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-ideologiya-kak-faktor-vliyayushchiy-na-funktsionirovanie-yazyka-v-sovremennykh-usloviyakh>

ideologiya-kak-faktor-vliyayuschiy-na-funktsionirovanie-yazyka-v-sovremennyh-usloviyah (data obrashcheniya: 27.05.2020).

Skachkova, I. I. Yazykovaya politika i ideologiya standartnogo yazyka v SShA / I. I. Skachkova. – Tekst : elektronnyy // Izvestiya VGPU. – 2015. – № 2 (97). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-i-ideologiya-standartnogo-yazyka-v-ssha> (data obrashcheniya: 27.05.2020).

Trushina, A. S. Paralleli s klassicheskoy nemetskoj literaturoj v lirike «Ramshtayn» / A. S. Trushina. – Tekst : elektronnyy // Penzenskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskij universitet. – 2019. – S. 79-84. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37185576> (data obrashcheniya: 27.05.2020).

Fatneva, O. V. O kategorii «drugoy» v strukturnom psichoanalize / O. V. Fatneva. – Tekst : elektronnyy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – № 302. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kategorii-drugoy-v-strukturnom-psihoanalize> (data obrashcheniya: 27.05.2020).

Э. В. Вахитова
Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ОТЦОВ И ДЕТЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НЕОЛОГИЗМАХ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

АННОТАЦИЯ. Актуальность данной работы обусловлена распространением использования метафоры в различных видах дискурса, что стимулирует растущий интерес исследователей к ее изучению. В ходе проведенного автором исследования отобранные неологизмы были изучены методом компонентного анализа, а сами компоненты лексических значений слов, раскрывающие метафорический образ отцов и детей, были приведены в статье. Результаты вносят вклад в изучение способов создания экспрессии, в том числе в научно-популярных текстах педагогической направленности. Отдельные итоги могут также быть полезны исследователям, занимающимся изучением изменений, происходящих в системе современного образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: английский язык; метафоры; метафорические образы; компонентный анализ; словообразование; педагогический дискурс; значение слов; лексические значения; научно-популярные тексты; отцы; дети; неологизмы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Вахитова Эльвира Вильдановна – аспирант Института филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет.

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, каб. 285.
E-mail: elvahitova@gmail.com.

E. V. Vakhitova
Ekaterinburg, Russia

A LEXICOGRAPHICAL ANALYSIS OF ENGLISH METAPHOR-BASED NEOLOGISMS FOR FATHER AND SON RELATIONSHIP

ABSTRACT. The topicality of this study is determined by the spread of metaphors in different types of discourse triggering interest in growing number of researchers. The article describes the results of componential analysis of

---

¹ Статья подготовлена под руководством д.ф.н., профессора УрГПУ Дзюба Е. В. в рамках научного проекта, поддержанного РФФИ (проект № 19-013-00895/20 А «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по русскому языку как иностранному»).

English neologisms that met the criteria set and lists the metaphorical components of their lexical meanings. The results of this research contribute to the study of ways used to add emphasis to texts including popular-science texts on pedagogy. Certain results can benefit researchers studying changes happening in the modern educational system.

KEYWORDS: *English language; metaphors; metaphorical images; component analysis; word formation; pedagogical discourse; the meaning of words; lexical meanings; popular science texts; fathers; children; neologisms.*

ABOUT THE AUTHOR: *Vakhitova Elvira Vildanovna, Postgraduate Student of Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).*

Сегодня исследованию метафоры посвящено множество разноаспектных работ, что свидетельствует об актуальности поднятой темы. В лингвистике в настоящее время достаточно распространен когнитивный подход к изучению метафоры, позволяющий рассматривать ее не в семантическом аспекте, а в качестве одного из универсальных когнитивных механизмов. Так, А. Ричардс подчеркнул, что «метафорична сама мысль», а в основе самого механизма возникновения метафоризации лежит «заимствование и взаимодействие идей и смена контекста» [Ричардс 1990: 56-57]. Но начало когнитивному направлению метафорологии положила теория другого исследователя – Дж. Лакоффа. Дж. Лакофф и сторонники его теории концептуальной метафоры противопоставляют метафоре в языке и речи (как объекту исследования традиционной теории метафоры) метафору в сознании [Lakoff, Johnson 1999: 58].

Наше исследование построено на изучении неологизмов, образованных путем метафорического переноса. Отобранные нами неологизмы раскрывают метафорический образ отцов и детей. В качестве метода исследования был выбран компонентный анализ – метод семантического исследования, позволяющий более детально изучить значение исследуемого слова. Материалом для исследования послужили научно-популярные тексты педагогической направленности. Ниже приведен компонентный анализ трех неологизмов.

Для выявления сем, составляющих значение неологизма *teacup kid*, на первом этапе мы обратились к сайту «Word Spy» для уточнения определения, изучили дефиницию «a college student with a fragile, easily shattered psyche» (студент колледжа с хрупкой психикой, которого легко вывести из равновесия) и от-

метили указанный коннотативный-компонент (педагогический). Далее нами был составлен список подходящих словарных дефиниций слова *teacup* (чайная чашка) по пяти толковым словарям английского языка [Word Spy [http](http://www.wordspy.com); Cambridge Dictionary [http](http://www.cambridge.org/dictionary); Collins Dictionary [http](http://www.collinsdictionary.com); Dictionary.com [http](http://www.dictionary.com); Merriam-Webster Online Dictionary [http](http://www.merriam-webster.com); Oxford Dictionary [http](http://www.oxforddictionaries.com)]. В ходе исследования было выявлено, что оно определяется через единственную дефиницию, содержащую лексическую единицу *cup* (чашка) в четырех из пяти изученных словарей [Cambridge Dictionary [http](http://www.cambridge.org/dictionary); Collins Dictionary [http](http://www.collinsdictionary.com); Dictionary.com [http](http://www.dictionary.com); Merriam-Webster Online Dictionary [http](http://www.merriam-webster.com)]. Лексема *cup*, в свою очередь, многозначна, что позволило выделить важные для анализа компоненты *bowl-shaped* (чашеобразный) и *vessel* (сосуд), они указаны в первой из девяти дефиниций в «Merriam-Webster Online Dictionary» [Merriam-Webster Online Dictionary [http](http://www.merriam-webster.com)]. В другом словаре первая из 6 дефиниций предоставляет характеристики *round container* (круглый контейнер), *china* (фарфор), *plastic* (пластик) [Collins Dictionary [http](http://www.collinsdictionary.com)]. «Longman Dictionary» и «Cambridge Dictionary» (предоставляющие нам по семь определений) в первом словарном значении указывают *small* (маленький), *round* (круглый) и *container*. На сайте «Dictionary.com» в первом из трех определений нами были выявлены компоненты *small*, *open* (открытый), *container*, *china*, *glass* (стекло), *metal* (метал). В другом словаре первое из 4 определений также приводит *small*, *bowl-shaped*, *container* [Dictionary.com [http](http://www.dictionary.com)]. Изучение дефиниций *container* предоставляет элемент *contain* в словарях «Merriam-Webster Online Dictionary» – первая и единственная дефиниция, «Collins Dictionary» – единственная дефиниция, подошедшая нам, была с пометой «американский английский», а две общесловарные и две «британские» дефиниции были нами исключены, «Dictionary.com» – первое из двух определений [Merriam-Webster Online Dictionary [http](http://www.merriam-webster.com); Collins Dictionary [http](http://www.collinsdictionary.com); Dictionary.com [http](http://www.dictionary.com)]. Интересно, что сайт «Theasarus.com» в списке синонимов лексемы *container* указывает упоминавшееся выше *vessel* [Collins Dictionary [http](http://www.collinsdictionary.com)]. Только некоторые словари предоставили информацию о переносном значении указанного выше слова. В словаре «Oxford Dictionary» нами было выделено второе из трех определений с пометой «преимущественно библейское»: «*a person regarded as having or embodying a particular quality*» (человек обладающий или воплощающий определенное качество) [Oxford Dictionary [http](http://www.oxforddictionaries.com)]. В Cambridge Dictionary нами были

рассмотрены четыре значения, третье из которых имеет помету «литературное» и дает следующие данные: «*a person who has a particular quality or who is used for a particular purpose*» (человек, обладающий определенным качеством или используемый в определенных целях) [Cambridge Dictionary [http](http://)]. Первое из трех значений американского онлайн словаря дает определение: «*a person into whom some quality (such as grace) is infused*» – человек, которому приписывается определенное качество, такое как любезность [Merriam-Webster Online Dictionary [http](http://)].

Опираясь на компоненты 'bowl-shaped' и 'vessel' и применив процедуру ступенчатой идентификации и дефиниционный анализ, мы можем выявить и иерархизировать следующие компоненты лексических значений этих слов. В качестве категориально-лексической семы (далее – КЛС) данной группы лексических единиц нами была определена сема «предмет обихода». В словарях был отмечен нейтральный коннотативный компонент и выделены следующие дифференциальные семы (далее – ДС): ДС1 форма – 'round', 'bowl-shaped', 'hemispherical'; ДС2 назначение – 'drinking', 'holding'; ДС3 размер – 'small', 'larger than a cup'; ДС4 материал – 'china', 'glass', 'metal', 'plastic'.

Таким образом, при анализе сем неологизма *teacup kid* было выявлено следующее: КЛС – «человек»; ДС 1 возраст – 'college'; ДС2 социальный компонент – 'student'; ДС3 эмоционально-психологическая характеристика – 'fragile', 'easily shattered psyche'.

В результате анализа имеющихся данных мы можем заключить, что неологизм *teacup kid* был образован с помощью метафорического переноса, поскольку денотат слова, очевидно, изменился, сохранив, тем не менее, некоторые признаки сигнификата – а именно возраст (размер) и образ физической хрупкости чашки, который был перенесен на хрупкость психически-эмоциональную.

Далее рассмотрим неологизм *helicopter parent*. В «Oxford English Dictionary» предоставлено следующее определение, с пометой «уничжительный»: «*a parent who takes an excessive and overprotective interest in the life of his or her child, esp. with regard to education*» – гиперопекающий родитель, проявляющий чрезмерный интерес к жизни своего ребенка, в особенности в отношении его образования [Oxford Dictionary [http](http://)]. Перейдем к уточнению компонентов значения *helicopter*. В нескольких словарях предоставлено по одному словарному определению, в которых указана лексическая единица *aircraft* – летательный ап-

парат [Cambridge Dictionary [http](http://); Collins Dictionary [http](http://); Longman Dictionary [http](http://); Oxford Dictionary [http](http://)]. В определении одного из указанных выше словарей мы также выделили глагол *fly* – летать [Collins Dictionary [http](http://)]. Хотя словарь «Cambridge Dictionary» дает важное уточнение «*stay in one place in the air*» [Cambridge Dictionary [http](http://)], данный глагол больше не предоставил интересных для анализа компонентов. Тем не менее, в списке синонимов к данному слову на сайте «Thesaurus.com» был указан глагол *hover* (нависать) [Thesaurus.com [http](http://)]. Таким образом, всего были изучены три значения данного глагола в «Merriam-Webster Online Dictionary», по четыре значения в словарях «Collins Dictionary», «Longman Dictionary», «Cambridge Dictionary» и «Oxford Dictionary» и шесть значений в словаре «Dictionary.com» [Merriam-Webster Online Dictionary [http](http://); Collins Dictionary [http](http://); Longman Dictionary [http](http://); Cambridge Dictionary [http](http://); Oxford Dictionary [http](http://); Dictionary.com [http](http://)]. Словари «Merriam-Webster Online Dictionary» и «Collins Dictionary» в первых словарных толкованиях предоставляют «*remain suspended*» (оставаться в подвешенном состоянии) и «*in the same position*» (в одном положении) соответственно [Merriam-Webster Online Dictionary [http](http://); Collins Dictionary [http](http://)]. В словарях «Longman Dictionary» и «Cambridge Dictionary» нами были взяты вторые словарные значения и выделен элемент *nervously* (нервно) [Longman Dictionary [http](http://); Cambridge Dictionary [http](http://); Oxford Dictionary [http](http://)]. В словарях Dictionary.com (второе словарное значение) и Oxford Dictionary (первое словарное значение) была зафиксирована характеристика «*close (near) at hand*» (близости) [Dictionary.com [http](http://); Oxford Dictionary [http](http://)].

Проведя исследование вышеперечисленных синонимов, можно определить следующее: в качестве КЛС *helicopter parent* нами определена сема «человек». Можно выделить следующие ДС: ДС1 социальный компонент – ‘a parent’; ДС2 характеристика качеств характера – ‘overprotective’, ‘excessive interest’; ДС3 объект действия – ‘child’, ‘children’. В качестве единицы, послужившей для метафорического переноса, выступает *helicopter*. Данное слово было отнесено к категории «средств передвижения». Анализ значения данного слова и синонимов, уточняющих компоненты его значения, позволил определить три ДС: ДС1 место – ‘in the air’, ‘over an object’; ДС2 назначение – ‘suspend without moving’, ‘fly through air’, ‘close at hand’; ДС3 образ действия – ‘in the same place’, ‘nervously’.

Так, данные исследования показывают, что перенос был сделан на основе компонентов 'over an object', 'suspend without moving', 'close at hand'. А благодаря последнему компоненту 'nervously', можно заключить, что коннотативный компонент в конкретном случае носит отрицательный характер. ИмPLICITным компонентом метафоры *helicopter parents* является образ родителей, кружащих над своими детьми.

Третьим неологизмом, рассмотренным нами в данной статье, является единица *grannybank* – метафора построена по аналогии с *piggy bank* (копилка). На сайте «Academic Dictionaries and Encyclopedias» предоставлено следующее определение: «savings held by grandparents and used to pay for their grandchildren's education, first home, and other expenses» (сбережения, накопленные бабушками и дедушками для своих внуков на оплату их образования, покупку первого жилья или других расходов) [Academic Dictionaries and Encyclopedias [http](http://)]. В целях анализа нами было выбрано *bank* (банк) и рассмотрены десять словарных определений в «Longman Dictionary», восемь определений в «Dictionary.com», шесть определений в «Cambridge Dictionary», пять словарных определений в «Merriam-Webster Online Dictionary» и «Collins Dictionary», а также четыре определения в «Oxford Dictionary». [Longman Dictionary [http](http://); Dictionary.com [http](http://); Cambridge Dictionary [http](http://); Merriam-Webster Online Dictionary [http](http://); Collins Dictionary [http](http://); Oxford Dictionary [http](http://)]. Во всех словарях за основу были взяты первые словарные определения, а затем были выделены компоненты значения, характеризующие данное слово, а именно *a financial establishment* – финансовое учреждение [Merriam-Webster Online Dictionary [http](http://); Oxford Dictionary [http](http://)], *an institution* – учреждение [Dictionary.com [http](http://); Collins Dictionary [http](http://)], *lends money* – одалживать деньги [Longman Dictionary [http](http://); Dictionary.com [http](http://)].

Затем нами были взяты лексемы *fund* и *savings*, перечисленные в списке синонимов к *bank* на сайте «Thesaurus.com» [Thesaurus.com [http](http://)]. В ходе работы с четырьмя определениями *fund* в «Merriam-Webster Online Dictionary» и на сайте «Dictionary.com», семью – в «Collins Dictionary», пятью – в «Longman Dictionary», тремя – в «Cambridge Dictionary» и «Oxford Dictionary» мы выделили: «*a particular purpose*» в первом словарном толковании в «Longman Dictionary» и «Oxford Dictionary». Данный компонент был также отмечен и во втором словарном толковании в «Collins Dictionary» [Merriam-Webster Online

Dictionary [http](http://); Dictionary.com [http](http://); Collins Dictionary [http](http://); Longman Dictionary [http](http://); Cambridge Dictionary [http](http://); Oxford Dictionary [http](http://)]. Изучив определения слова *savings* в словарях «Merriam-Webster Online Dictionary» (три словарных толкования), «Cambridge Dictionary», «Oxford Dictionary», «Dictionary.com», «Collins Dictionary» и «Longman Dictionary» (по одному словарному толкованию), мы отметили актуальный для исследования компонент *saved* (накопленные), который был приведен словарями «Oxford Dictionary», «Dictionary.com», «Collins Dictionary» и «Longman Dictionary» [Merriam-Webster Online Dictionary [http](http://); Cambridge Dictionary [http](http://); Oxford Dictionary [http](http://); Dictionary.com [http](http://); Collins Dictionary [http](http://); Longman Dictionary [http](http://)].

Проведя анализ компонентов первых словарных определений данных слов и выделив компоненты значения, характеризующие данное слово, мы приходим к выводу, что неологизм *grannybank* имеет нейтральный коннотативный компонент. КЛС данного неологизма была определена сема «семья» и выделены следующие ДС: ДС1 взаимоотношения в семье – ‘grandparents’; ДС2 назначение – ‘used to pay for their grandchildren’s education’; ДС3 объект действия – ‘grandchildren’. В качестве лексических единиц, способных описать исходное значение неологизма, были выбраны слова *bank*, *fund*, *savings*. В результате работы со словарными статьями мы определили следующие ДС: ДС1 место – ‘an establishment’, ‘an institution’, ‘an organization’; ДС2 результат – ‘receiving’, ‘providing money for specific purpose’, ‘saving’. КЛС – «деньги». Коннотация нейтральная.

Как мы видим, компонентный анализ при изучении метафор-неологизмов позволяет наиболее полно изучить семантические оттенки значения, играющие важную роль в когнитивном восприятии образа слова. Проведя исследование, мы пришли к выводу, что перенос происходит не от словарного значения слова, на основании которого он был сделан. Наоборот, зачастую переносимые характеристики, заключающие образ метафоры, носили имплицитный характер, и нам удавалось их определить только через слова-синонимы и переносные значения синонимичных слов. Так, компонентный анализ может сыграть большую роль в уточнении значения и коннотативных характеристик метафор-неологизмов.

ЛИТЕРАТУРА

Ричардс, А. Философия риторики. Теория метафоры / А. Ричардс. – М. : Прогресс, 1990. – 512 с.

Academic Dictionaries and Encyclopedias. – URL: <http://www.enacademic.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Collins Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Dictionary.com. – URL: <https://www.dictionary.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Lakoff, G. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – New York : Basic Books, 1999. – 624 p.

Longman Dictionary. – URL: <https://www.ldoceonline.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Merriam-Webster Online Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Oxford Dictionary. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Thesaurus.com. – URL: <https://www.thesaurus.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Word Spy. – URL: <http://www.wordspy.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

REFERENCES

Richards, A. *Filosofiya ritoriki. Teoriya metafory* / A. Richards. – M. : Progress, 1990. – 512 s.

Academic Dictionaries and Encyclopedias. – URL: <http://www.enacademic.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Cambridge Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Collins Dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Dictionary.com. – URL: <https://www.dictionary.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Lakoff, G. *Philosophy in the Flesh: the Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought* / G. Lakoff, M. Johnson. – New York : Basic Books, 1999. – 624 p.

Longman Dictionary. – URL: <https://www.ldoceonline.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Merriam-Webster Online Dictionary. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Oxford Dictionary. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Thesaurus.com. – URL: <https://www.thesaurus.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Word Spy. – URL: <http://www.wordspy.com/> (mode of access: 28.12.2018). – Text : electronic.

Е. А. Вахмянина, Э. В. Будаев
Екатеринбург, Россия

ОТРАВЛЕНИЕ В СОЛСБЕРИ КАК СФЕРА-МИШЕНЬ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ В СМИ РОССИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются особенности метафорической концептуализации сферы-мишени «Отравление в Солсбери» в СМИ Великобритании и России. Методология исследования основывается на теории концептуальной метафоры и методике метафорического моделирования. В качестве материала исследования послужили 200 метафорических словоупотреблений в нарративе «Ситуация в Солсбери» в британских и российских СМИ в 2018–2020 гг. Выявлены национальные особенности в выборе сфер-источников, отражающие различия в оценке ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СМИ; средства массовой информации; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; российские СМИ; английские СМИ; политический дискурс; отравление в Солсбери; политический нарратив; концептуальные метафоры; русский язык; английский язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Вахмянина Е. А., Российский государственный профессионально-педагогический университет.
Адрес: 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.

Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и русской филологии, Российский государственный профессионально-педагогический университет.
Адрес: 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.
E-mail: aedw@rambler.ru.

E. A. Vakhmyanina, E. V. Budaev
Ekaterinburg, Russia

THE SALISBURY POISONING AS A TARGET DOMAIN OF METAPHORIC EXPANSION IN THE RUSSIAN AND UK MASS MEDIA

ABSTRACT. The article deals with the features of the metaphorical conceptualization of the target domain “Salisbury poisoning” in the media of Great Britain and Russia. The research methodology is based on the theory of conceptual metaphor and the method of metaphorical modeling. The material of the study was 200 metaphors in the narrative “Salisbury poisoning” in

the British and Russian media in 2018–2020. The article reveals national specificity in the choice of source domains, reflecting differences in the assessment of the situation.

KEYWORDS: *media; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; Russian media; English media; political discourse; poisoning in Salisbury; political narrative; conceptual metaphors; Russian language; English language.*

ABOUT THE AUTHORS: *Vakhmyanina E. A., Russian State Vocational Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).*

Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Languages and Russian Philology, Russian State Vocational Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

В середине XX в. в науке повысился интерес к познавательным процессам человека и их особенностям. Этот процесс, вызванный разочарованием исследователей в бихевиоризме, получил название «когнитивная революция» [Кубрякова 2004]. В когнитивной лингвистике особое внимание уделяется связи знаний, заложенных в языке, с субъектом восприятия, мышления, поведения и практической деятельности, а также тому, как отражается реальный мир в языке через посредство понятий, представлений, образов, концептов, обусловленных субъективным и этническим фактором [Скребцова 2011].

Важное место в когнитивных процессах занимает метафора, что было показано Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в работе «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон 2004]. Большинство людей воспринимают метафору как средство выразительности, используемое преимущественно в литературе, а не в повседневной речи. Также метафора воспринимается как нечто принадлежащее к сфере слов, а не сфере мышления или действия, именно поэтому некоторые люди уверены, что они с легкостью обойдутся без метафор. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что метафора проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии, а также сопровождает человека во всех сферах жизни. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути.

Согласно теории концептуальной метафоры, в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фрейм и сценарий) двух ментальных пространств – пространства-источника (сфера-источник) и пространства-цели (сфера-мишень). Ментальное пространство (или концепт) можно

объяснить как совокупность знаний и представлений человека об окружающей действительности. Сфера-мишень – это концепт, который подвергается переосмыслению, а сфера-источник, таким образом, – это концепт, посредством которого происходит это переосмысление.

Концептуальные метафоры принадлежат не только языку, словам, но и являются отражением человеческого мышления и культуры. Так, концептуальная метафора ARGUMENT IS WAR (СПОР – ЭТО ВОЙНА) является не столько способом описания спора в милитаристских понятиях, сколько способом восприятия действительности. В каждом споре есть победитель, а есть проигравший; спорящие воспринимают друг друга как противники, разрабатывают стратегии, занимают определенные позиции и т. д. Дж. Лакофф предлагает представить себе культуру, в которой споры воспринимаются бы как танец, участники которого – танцоры, а их цель заключается в гармоничном и эстетически привлекательном танце. В такой культуре спор будет по-другому осмысляться, вестись и говорить о нем будут иначе, используя непривычные для нас термины. Поэтому очень важно понимать суть метафоры – понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида.

Дальнейшее развитие когнитивная теория метафоры получила в России в виде теории метафорического моделирования [Баранов, Караулов 1994; Будаев, Чудинов 2012; Чудинов 2001]. Лингвисты изучают самые разнообразные аспекты когнитивных метафор в различных видах дискурса: политическом [Кобозева 2001; Теория 2016; Чудинов, Будаев 2005; Musolff 2004], педагогическом [Будаев, Чудинов 2007], историческом [Аникин и др. 2015; Солопова 2015], медицинском [Мишланова 2004] и др.

Сочетание когнитивной теории метафоры и дискурсивного подхода вылилось в формирование когнитивно-дискурсивной парадигмы, описанной Е. С. Кубряковой [2004]. Такой подход предполагает изучение метафоры с учетом разнообразных взаимоотношений между языком, мышлением и коммуникацией, между спецификой дискурса СМИ и состоянием общества. Метафора в массовой коммуникации не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие и может изменить политическую картину мира человека.

При таком подходе предметом исследования становится не отдельная метафора, а система метафорических моделей.

Метафорическая модель – это существующая в сознании носителей языка взаимосвязь между понятийными сферами, в которой система фреймов сферы-источника является основой для моделирования понятийной системы сферы-мишени [Чудинов 2003]. При таком моделировании сохраняется эмотивный контекст сферы-источника, что создает возможности для воздействия на эмоционально-волевою сферу читателя.

Многие исследователи считают, что метафора может являться мощным политическим инструментом, поэтому при когнитивно-дискурсивном подходе целью является выявление взаимосвязей между метафорами и факторами, которые обусловили появление таких метафор. Метафоры рассматриваются как естественная часть политического нарратива, под которым понимается множество разножанровых текстов, связанных с определенной политической ситуацией или политической позицией.

Актуальность исследования. 4 марта 2018 г. в Солсбери (Великобритания) произошло отравление бывшего сотрудника ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери Юлии. Следствием было установлено, что отравлены они были нервно-паралитическим веществом, позже определенным как вещество российского происхождения «Новичок». Правительство Великобритании обвинило Россию в причастности к покушению на убийство Скрипалей. В России эти обвинения были отвергнуты, а ситуация названа провокацией, организованной спецслужбами США или Великобритании. Из Великобритании и многих европейских стран были высланы российские дипломаты, Россия ответила зеркальными действиями. В сентябре 2018 г. британская полиция назвала имена подозреваемых в отравлении (Александр Петров и Руслан Боширов). Премьер-министр Великобритании заявила, что отравление было санкционировано российским руководством. Россия отвергла все обвинения.

Освещаемое как в русскоязычных, так и в иностранных СМИ происшествие в Солсбери является острым и бурно обсуждаемым политическим событием, которое оказало значимое влияние на взаимоотношения двух стран – России и Великобритании. Исследование концептуальных метафор, отражающих концептуализацию ситуации в СМИ, позволит проследить различия в осмыслении нарратива в двух странах.

Предмет исследования – особенности метафорической концептуализации сферы-мишени «Отравление в Солсбери» в СМИ Великобритании и России.

Методология исследования основывается на теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон), которая далее развивалась в теории метафорического моделирования на основе когнитивно-дискурсивной парадигмы (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Ю. Н. Караулов, А. П. Чудинов).

Материалом исследования послужили 100 метафорических словоупотреблений, связанных с ситуацией в Солсбери и появившиеся в британских СМИ (The Guardian, The Times, The Sun, The Independent, Daily Mail, BBC News, Channel 4 News, The Conversation) и 100 метафорических словоупотреблений в материалах российских СМИ, посвященных этому событию («Российская газета», «Ведомости», «Радио Свобода», «Эхо Москвы», «РИА Новости», «Комсомольская Правда», «Коммерсантъ», «Первый канал») в 2018–2020 гг.

Анализ практического материала показал, что в британском нарративе наиболее часто встречаются метафорические модели со следующими сферами-источниками:

1. «Война».

Half of Britons want the government to impose further sanctions on Russia to combat the threat from Moscow, a poll has revealed (The Independent. 29.12.2018). – Опрос показал, что половина британцев хотят, чтобы правительство ввело дополнительные санкции против России с целью борьбы с угрозой со стороны Москвы.

2. «Театр и зрелищные представления».

But a scenario that has Skripal wanting to return to Russia, and the UK, for whatever reason, not wanting to let him go, seems plausible (The Independent. 4.03.2019). – Но сценарий, по которому Скрипаль хочет вернуться в Россию, а Великобритания по какой-то причине не хочет его отпускать, кажется правдоподобным.

3. «Спорт и игра».

Mr Putin would prefer a zero-sum “great game” approach where might is right (The Guardian. 9.03.2018). – Мистер Путин предпочел бы подход игры с нулевым исходом, в котором сильный всегда прав.

4. «Механизм».

But BBC diplomatic correspondent James Landale said many European countries would be “reluctant to tighten the screw on Russia”, fearing a loss of trade and energy (BBC News. 5.09.2018). – Но дипломатический корреспондент BBC Джеймс Лэндейл за-

явил, что многие европейские страны «неохотно закрутят гайки в отношении России», боясь потерять торговые и экономические связи.

Также в СМИ Великобритании встречаются метафоры, относящиеся к менее распространенным сферам-источникам: «Disease» (*suffer from a particularly sharp form of Russophobia, inject some positivity*) «Family» (*had a nod and a wink from Putin himself, Putin's cronies*), «Anatomy and Physiology» (*reckless attack at the heart of a very peaceful part of the UK, the appetite to deal with this issue*), «Literature» (*grotesquely incompetent, more Johnny English than James Bond*) и «Criminal» (*Russians' thuggery*).

При осмыслении британско-российских отношений в целом и их изменения после отравления Скрипалей в британском дискурсе предпочтение отдается военной метафоре и театральной метафоре. При использовании театральной метафоры акцент делается на ненатуральность реакции России и плохо режиссированный план действий.

Также в британском политическом дискурсе подавляющее число метафор привносят в осмысление ситуации негативные прагматические смыслы, концептуализируя Великобританию как «жертву» агрессии, приписывая концептуальную роль «злодея» России или лично В. В. Путину.

В российском дискурсе СМИ при осмыслении данной ситуации наиболее частыми сферами-источниками являются:

1. «Война».

Мы официально полноценно вступили в фазу настоящей холодной войны – не метафорической, а реальной холодной войны, когда стороны просто наносят друг другу сознательные удары и смотрят на результат (Коммерсантъ. 28.03.2018).

2. «Театр и зрелищные представления».

Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова назвала обвинения британской стороны «цирковым шоу в парламенте» (Российская Газета. 12.02.2018).

3. «Спорт и игра».

Скрипаль был «битой картой»: всю информацию, которую могли получить от него в Лондоне, он передал до ареста и больше ничем не мог быть полезен – точно так же, как не представляет никакой ценности выжатый лимон (Российская газета. 12.03.2018).

4. «Механизм».

В начале января хакеры из группы Anonymous опубликовали документы проекта Integrity Initiative, в которых говорится, что спецслужбы Великобритании несколько лет выжидали «катастрофу», под предлогом которой можно было бы заставить правительство затянуть гайки в сфере безопасности (Российская Газета. 17.01.2019).

Помимо метафор из наиболее часто встречаемых сфер-источников, российские СМИ концептуализируют ситуацию в Солсбери через метафоры, относящиеся к таким сферам-источникам, как «Болезнь» (*контакты с Россией, которые и так были на грани инфаркта, болезненное проявление солидарности*), «Анатомия и физиология» (*Лондон нервничает, Жесткая позиция Москвы – это защитная реакция*), «Литература» (*картинно-подозрительно, как в британских детективах, этот шпионский роман*) «Дом» (*фасад евроатлантической солидарности*).

В ходе исследования были получены следующие выводы.

В британских СМИ наиболее часто встречаются метафорические модели со сферами-источниками «Война», «Спорт и игра», «Механизм», «Театр и зрелищные представления». В российском политическом дискурсе при осмыслении рассматриваемого нарратива наиболее частыми сферами-источниками являются «Театр и зрелищные представления», «Война», «Спорт и игра», «Механизм». В меньшей степени в СМИ обеих стран были задействованы сферы-источники «Болезнь», «Анатомия и физиология» и «Литература».

Таким образом, в британском дискурсе предпочтение отдается военной метафоре и театральной метафоре при осмыслении британско-российских отношений после отравления Скрипалей. При использовании театральной метафоры акцент делается на ненатуральность реакции России на описываемые события. В русскоязычных СМИ при описании хода событий и расследования дела в Солсбери наиболее часто встречаются театральная и военная метафоры, при описании сложившейся ситуации чаще всего употребляют метафоры, связанные с различными жанрами театральных и зрелищных представлений, делая акцент на постановочный характер инцидента.

Метафора играет важную роль в категоризации политики по критерию ГЕРОИ–ЗЛОДЕИ. Наши данные показывают, что в британском политическом дискурсе подавляющее число мета-

фор привносят в осмысление ситуации негативные прагматические смыслы, концептуализируя Великобританию как «жертву» агрессии, приписывая концептуальную роль «злодея» России или лично В. В. Путину. В российских СМИ роль «злодея» играет британское правительство, а «жертвой» выступает Россия, которой бесосновательно приписывают все обвинения.

Общественное мнение может быть подвержено влиянию СМИ, и отношение к ситуации в Солсбери может зависеть от того, как местные СМИ представляют это дело, ход его расследования и реакцию высокопоставленных лиц. Так, например, по результатам опроса британской интернет-компании по анализу данных YouGov, 75% британцев верят в причастность России к делу в Солсбери. В материалах британских СМИ Россия представляется как агрессор, делается акцент на другие похожие случаи отравления. В России же, согласно опросу ВЦИОМ лишь 3% считают, что Россия может быть связана с «делом Скрипаля» – в российских СМИ акцент часто делается на то, что весь ход расследования – постановочное шоу, а Великобритания просто нападает на Россию.

Таким образом, данные социологических опросов коррелируют с полученными результатами метафорологического анализа, свидетельствующего о том, что британские СМИ гораздо чаще предпочитают концептуализировать рассматриваемые события как «военную агрессию» (43% против 25% в российских СМИ), в то время как в российской прессе чаще осмысляют данный политический нарратив в понятиях театральной инсценировки (24% против 17% в британской прессе).

ЛИТЕРАТУРА

Аникин, Е. Е. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России / Е. Е. Аникин, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3 (44). – С. 26-32.

Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Помовский и партнеры, 1994.

Будаев, Э. В. Метафора в политической коммуникации / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – М. : Флинта, 2012. – 248 с.

Будаев, Э. В. Дискуссия о метафорах в современной зарубежной педагогике / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Педагогическое образование в России. – 2007. – № 1. – С. 188-200.

Кобозева, И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 132-149.

Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004.

Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : УРСС, 2004.

Мишланова, С. Л. Метафора в медицинском дискурсе / С. Л. Мишланова. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2004.

Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика / Т. Г. Скребцова. – СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2011.

Солопова, О. А. Диахроническая сопоставительная метафорология: исследование моделей будущего в политическом дискурсе / О. А. Солопова. – М. : Флинта, 2015.

Теория и методика лингвистического анализа политического текста / А. П. Чудинов [и др.]. – Екатеринбург : УрГПУ, 2016.

Чудинов, А. П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000–2004) / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 2 (3). – С. 41-50.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001.

Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2003.

Musolff, A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe / A. Musolff. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004.

REFERENCES

Anikin, E. E. Istoricheskaya dinamika metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii Rossii / E. E. Anikin, E. V. Budaev, A. P. Chudinov // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. – 2015. – № 3 (44). – S. 26-32.

Baranov, A. N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor / A. N. Baranov, Yu. N. Karaulov. – М. : Pomovskiy i partnery, 1994.

Budaev, E. V. Metafora v politicheskoy kommunikatsii / E. V. Budaev, A. P. Chudinov. – М. : Flinta, 2012. – 248 s.

Budaev, E. V. Diskussiya o metaforakh v sovremennoy zarubezhnoy pedagogike / E. V. Budaev, A. P. Chudinov // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2007. – № 1. – S. 188-200.

Kobozeva, I. M. Semanticheskie problemy analiza politicheskoy metafor / I. M. Kobozeva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. – 2001. – № 6. – S. 132-149.

Kubryakova, E. S. Yazyki i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira / E. S. Kubryakova. – М. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004.

Lakoff, Dzh. Metafor, kotorymi my zhivem / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson. – М. : URSS, 2004.

Mishlanova, S. L. Metafora v meditsinskom diskurse / S. L. Mishlanova. – Perm' : Izd-vo Permskogo un-ta, 2004.

Skrebtsova, T. G. Kognitivnaya lingvistika / T. G. Skrebtsova. – SPb. : Sankt-Peterburgskiy gos. un-t, 2011.

Solopova, O. A. Diakhronicheskaya sopostavitel'naya metaforologiya: issledovanie modeley budushchego v politicheskom diskurse / O. A. Solopova. – M. : Flinta, 2015.

Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta / A. P. Chudinov [i dr.]. – Ekaterinburg : UrGPU, 2016.

Chudinov, A. P. Kontseptual'naya metafora v politicheskom dis-kurse: novye zarubezhnye issledovaniya (2000–2004) / A. P. Chudinov, E. V. Budaev // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. – 2005. – № 2 (3). – S. 41-50.

Chudinov, A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory / A. P. Chudinov. – Ekaterinburg : UrGPU, 2001.

Chudinov, A. P. Metaforicheskaya mozaika v politicheskoy kommunikatsii / A. P. Chudinov. – Ekaterinburg : UrGPU, 2003.

Musolff, A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe / A. Musolff. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004.

А. А. Олькова
Екатеринбург, Россия

СИНТАКСИС СЛОГАНА В РЕКЛАМЕ АВТОМОБИЛЕЙ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена изучению простых синтаксических конструкций в русском и английском автомобильном рекламном слогане. Автомобиль уже долгие годы остается наиболее предпочитаемым и популярным средством передвижения по всему миру. На его выбор огромное влияние оказывает реклама. Когда название автомобильной компании встречается в различных источниках и средствах коммуникации, данная компания автоматически внушает доверие потенциальному потребителю. Наиболее важно то, как сформулирован дискурс данного рекламного сообщения. Интерес к рекламному дискурсу обуславливается тем, что реклама способна активно воздействовать на общественное сознание, разум и чувства людей. В статье представлены результаты синтаксического и семантического анализа англоязычных и русскоязычных автомобильных слоганов; названы функции креолизации в рекламном дискурсе, выявлена частотность употребления различных синтаксических моделей в структуре слогана.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *креолизованные тексты; синтаксис русского языка; синтаксис английского языка; автомобильные слоганы; синтаксические модели; реклама; рекламный дискурс; рекламные тексты; автомобили; русский язык; английский язык; рекламные слоганы.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Олькова Анна Андреевна, магистрант Института филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет.*

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

A. A. Olkova
Ekaterinburg, Russia

SYNTAX OF SLOGAN IN AUTOMOBILE ADVERTISEMENT

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of simple syntactic structures in Russian and English automobile advertising slogans. For many years an automobile has remained one of the most preferable and popular means of transportation around the world. The advertisement greatly influences on the choice of it. When the name of an automobile company is found in various sources and means of communication, this company automatically inspires confidence among potential consumers. The formulation of the discourse in the advertising message is more important. The interest in advertising dis-*

course is determined by the fact that the advertisement is able to actively influence the consciousness, mind and feelings of people. The article presents the results of syntactic and semantic analysis of English-language and Russian-language automobile slogans. It also shows the functions of creolization in the advertising discourse. The frequency of performance of various syntactic models in the structure of the slogan is identified.

KEYWORDS: *creolized texts; syntax of the Russian language; syntax of the English language; car slogans; syntactic models; advertising; advertising discourse; advertising texts; cars; Russian language; English language; advertising slogans.*

ABOUT THE AUTHOR: *Olkova Anna Andreevna, Masrer's Degree Student of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).*

В современном мире анализ дискурса входит в область задач различных дисциплин гуманитарного цикла: лингвистики, психологии, философии и др. Соответственно, в каждой научной дисциплине существует свое понимание дискурса. Английский ученый Д. Кука рассматривает дискурс как единство текста и контекста, взаимодействующих таким образом, что участники дискурса воспринимают его как содержательное и целостное явление [Арутюнова 1988: 78].

Согласно утверждению И. Г. Морозовой, реклама формирует собственный мир слов, тем и образов, которыми описываются те или иные товары и категории товаров [Морозова 2002: 6]. Текст, погруженный в ситуацию рекламного общения, является основой для выделения самого общего значения термина «рекламный дискурс».

А. А. Кибрик отмечает, что дискурс – «коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникаторов (партнеров общения), и создающийся в процессе общения текст» [Кибрик 1992: 289]. В западноевропейской лингвистике с середины 1970-х гг. активно функционирует термин «дискурс», первоначально понимавшийся как «разумное размышление» (от лат. *discursus*) и затем трансформировавшийся в значение «диалог». Интерес исследователей к дискурсу и развитие представлений о нем поставило данную категорию в соотношение с понятием «текст», ввело его в систему понятий, методов и принципов лингвистики текста.

Дискурс является динамическим процессом. Он отражает функциональные особенности речи и обладает набором прагматических, экспрессивных и когнитивных свойств. Тексты средств массовой информации представляют собой дискурс, они всегда

динамичны и современны, именно поэтому они воспринимаются участниками коммуникации в контексте происходящих событий [Булатова 2012: 11]. Дискурс, активно сопровождающийся аудиовизуальными эффектами, привлекает внимание потенциальных потребителей.

Часто завершающим элементом рекламного дискурса выступает слоган. Слоган – это короткая, легко запоминающаяся фраза, которая отражает суть всего рекламного дискурса [Тюрина 2009: 77]. Слоганом является самостоятельное рекламное сообщение, которое может существовать изолированно от других рекламных продуктов и представлять собой свернутое содержание рекламного текста. Цель рекламного слогана – вызвать положительную ассоциацию у потребителя по отношению к имиджу компании, продукту или услуге и впоследствии привлечь его как потребителя. Слоган является вербальным средством воздействия на аудиторию [Скнарев 2015: 278]. Однако слоган может стать причиной как успеха, так и неудачи всей рекламной кампании.

Основные функции рекламного слогана: информирующая и воздействующая. И. Г. Морозова указывает на еще одну функцию – служить связующим звеном между многими отдельными сообщениями, входящими в общую рекламную кампанию и имеющими разные форматы [Морозова 2003: 8].

Важнейшую роль в структуре слогана и всего рекламного дискурса играют синтаксические конструкции [Булатова 2012: 62]. Поскольку язык рекламы близок к живому, разговорному языку, в рекламном дискурсе используется очень много простых синтаксических конструкций. В структуре простого предложения как основе слогана крайне важны различные тропы и фигуры речи, которые усиливают воздействие на аудиторию. Особые синтаксические приемы, такие как инверсия, парцелляция, риторический вопрос и риторическое восклицание очень распространены в рекламном дискурсе.

Многие современные известные ученые лингвистики и психолингвистики (Е. Е. Анисимова, А. А. Бернацкая, М. Б. Ворошилова, Л. П. Крысин, Д. П. Чигаев) рассматривают рекламное сообщение как креолизованный текст. Такой текст подразумевает взаимодействие вербальных и визуальных компонентов, «комбинирование средств разных семиотических систем в комплексе, отвечающем условию текстуальности» [Бернацкая 2000: 109].

Каждое рекламное сообщение, с которым встречается человек в современном мире, не существует изолированно, а составляет «единую сложно организованную знаковую среду – семиосферу» [Герчук 1989: 38]. Семиосфера – это языковое и знаковое пространство, заполненное системами знаков, различными по своей природе – вербальными и невербальными, естественными и искусственными; в центре каждой семиосферы находится национальный язык, благодаря которому происходят различные формы коммуникации людей в процессе жизнедеятельности и в социальном пространстве и времени [Гриненко 2013: 33].

Вербальная часть рекламного текста выражается в языковой и речевой форме, в то время как невербальная обеспечивает создание условий для понимания и интерпретации визуальной информации. Взаимодействуя друг с другом, эти компоненты обеспечивают целостность и связность семиотического текста, его коммуникативный эффект, поскольку разнокодовые сообщения дополняют и поясняют друг друга. Визуальное или зрительное восприятие изображенного объекта является не пассивным процессом, а активным изучением изображения, дающим ему некую зрительную оценку, отбирающим его самые важные особенности, сопоставляющим данный объект с хранящимся в памяти субъекта, после чего субъект формирует целостный визуальный образ [Елина 2009: 19].

Креолизированным текстом является карикатура, т. к. ее вербальный и иконический компоненты образуют одно визуальное, структурное и смысловое целое. Основными компонентами карикатуры как креолизованного текста являются вербальный и иконический компоненты, взаимодействие которых создает определенный эффект [Воронина 2009: 16].

К средствам креолизации относятся: средства орфографии, шрифт, цвет, пунктуация, фон текста (цветной или иллюстрированный), пунктуация и словообразование, иконические печатные символы (пиктограммы, идеограммы и т. п.), графическое оформление вербального текста (в столбик, в виде фигуры и т. п.) [Анисимова 2003: 98].

Согласно классификации Е. Е. Анисимовой выделяют три вида креолизации:

- нулевая креолизация;
- частичная креолизация;
- полная креолизация.

В тексте с *нулевой креолизацией* изобразительный визуальный компонент не представлен, т. е. реклама воспринимается исключительно вербально.

Сегодня, когда реклама просто информирует о чем-то, потребителю отсутствие эмоциональности и образности в ее тексте уже кажется скучным, не привлекает внимание и не запоминается. В качестве примера рассмотрим рекламный слоган «*Follow your ears*» автомобильной компании *Lamborghini* и его креолизацию. Данный пример отнесем к частичной креолизации, т. к. слоган без сопровождающей его картинки вполне может существовать [Stewart 2007: 35-64]. Но, безусловно, присутствует визуальная метафора – это знак компании, а именно изображение золотого Тельца. Метафоричность цвета золота, драгоценного металла, переносится и на цвет фона, на котором изображен слоган, а именно желтый. Выбор знака Тельца также метафоричен, т. к. подразумевает знак зодиака основателя и владельца компании – Ферруччо Ламборгини. Сам слоган можно воспринять так: «*Поверь своим ушам*». Данная автомобильная компания известна производством спортивных автомобилей, поэтому звук, шум, рев автомобиля хотели отразить в слогане его авторы.

В качестве примера рекламного текста с полной креолизацией обратимся к слогану широко известной немецкой автомобильной компании *BMW*, который заявляет «*The Ultimate Driving Machine*». Слоган сопровождается изображением автомобиля премиум класса, что, безусловно, создает мощное визуальное впечатление об автомобиле [Dyer 1995: 73]. На иллюстрации автомобиль изображен будто в движении, что без труда позволяет интерпретировать слоган, не прибегая к его переводу. Холодная цветовая гамма иллюстрации также создает очень яркое впечатление о рекламируемом автомобиле.

Таким образом, метафорический прием лежит в основе креолизованной рекламы. Метафора используется как мощное орудие воздействия на потребителя [Ивинских, Плетнева 2015: 34]. Метафоричность изображения и слогана может быть основана на сходстве или контрасте явлений или образов, на аналогиях, на ассоциациях и других признаках или характеристиках.

Простая синтаксическая конструкция в структуре слогана – явление крайне распространенное. Синтаксис – один из разделов лингвистики, который изучает строение предложений и словосочетаний, синтагматические отношения между ними, отдель-

ные синтаксические единицы, а также рассматривает виды синтаксических связей между этими единицами [Brinton 2000: 11]. Синтаксические конструкции – это отдельные синтаксические единицы, сочетания слов или групп слов, которые обладают непосредственной связью [Касевич 1977: 50].

Основа проведенного исследования – 15 автомобильных рекламных слоганов на английском языке. Как в русском, так и в английском языках обнаруживается чрезвычайное разнообразие концепций и подходов к описанию синтаксических конструкций. Типологией предложений занимались такие известные лингвисты, как В. Д. Аракин (1979), С. Г. Бархударов (1966), М. Я. Блох (1986).

Первый способ основывается на количестве компонентов формальной структуры и содержании высказывания как субъектно-предикатной структуры, предполагающей наличие субъекта и предиката, выражаемых соответственно через состав подлежащего и состав сказуемого. По содержанию высказывания простые предложения подразделяются на два типа: двусоставные и односоставные. Предложения, структурной основой которых является соединение двух главных членов, называются двусоставными. Предложения, структурной основой которых выступает один из главных членов, называются односоставными [Барановская 2015: 27].

Как в русском, так и в английском синтаксисе встречается такое понятие, как предложение без основы. Такое предложение не содержит главных членов. В его основе – только второстепенные члены предложения: дополнение и (или) обстоятельство.

Второй способ берет за основу грамматический состав и лексическую ограниченность или неограниченность одного из компонентов. Предложения, состоящие только из грамматической основы, т. е. только из главных членов предложения, называются нераспространенными (<http://dic.academic.ru>). Распространенными называются предложения, в составе которых помимо главных членов имеются второстепенные.

Третий способ определения типа предложения подразумевает завершенность формальной структуры. Исходя из этого, предложения подразделяют на полные и эллиптические (неполные).

Синтаксический разбор английского и русского автомобильного слогана.

1. *The Power of Dreams.*

Данный рекламный слоган принадлежит автомобильной компании HONDA.

В данном предложении мы выделили главный член: «*The power*», который является подлежащим, затем мы определили, что «*of dreams*» является постпозитивным определением, которое входит в состав подлежащего. Исходя из этого, предложение односоставное, нераспространенное, полное, т. к. в нем нет пропущенных членов, смысл предложения понятен.

Прибегая к переводу английского слогана на русский язык, мы получаем: *Сила мечты*.

Аналогично, в структуре получившегося слогана выделяем главные и второстепенные члены предложения: *сила* – подлежащее, *мечты* – беспредложное дополнение.

Сопоставим структурные компоненты двух слоганов: в обоих предложениях есть один главный член – подлежащее. В слогане на английском языке в состав подлежащего входит определение, отсутствуют второстепенные члены. В структуре слогана на русском языке входит беспредложное дополнение, и предложение становится распространенным.

Таким образом, при переводе английского слогана на русский язык в составе слогана увеличивается количество членов предложения.

2. *Treat it with respect* (TOYOTA).

Односоставное, распространенное, полное предложение. *Treat* – простое глагольное сказуемое с беспредложным дополнением *it*, *with respect* – обстоятельство образа действия.

Относись с уважением.

Относись – простое глагольное сказуемое, *с уважением* – обстоятельство образа действия. Предложение односоставное, распространенное, полное.

В структуре слогана на английском языке есть такой компонент, как беспредложное дополнение, которое мы не перевели на русский язык. Следовательно, членов предложения в составе русского слогана меньше, чем в структуре английского слогана.

3. *Put the fun back into driving* (TOYOTA).

В составе простого глагольного сказуемого фразовый глагол *put back, the fun* – беспредложное дополнение, *into driving* – предложное дополнение.

Верни удовольствие в вождение.

Верни – простое глагольное сказуемое, *удовольствие* – беспредложное дополнение, *в вождение* – предложное дополнение.

Синтаксический анализ конструкции на английском языке совпадает с анализом этого же слогана на русском. Следовательно, количество членов предложения одинаково.

4. *Follow your ears* (LAMBORGHINI).

Follow – простое глагольное сказуемое, *your ears* – беспредложное дополнение в составе с препозитивным определением *your*. Предложение односоставное, распространенное, полное.

Поверь своим ушам.

Переведа слоган данной автокомпании на русский язык, получаем: *поверь* – простое глагольное сказуемое, *своим* – определение, *ушам* – беспредложное дополнение. Предложение односоставное, распространенное, полное. При переводе слогана на русский язык появляется такой член предложения, как определение. В английском же слогане определение как самостоятельный член предложения не выделяется, поэтому в оригинале слогана оно входит в состав беспредложного дополнения.

5. *Way of Life* (SUZUKI).

Way of Life – подлежащее с постпозитивным определением. Предложение односоставное, нераспространенное, полное.

Способ жизни.

Способ – подлежащее, *жизни* – беспредложное дополнение. Односоставное, распространенное, полное.

В слогане на русском языке появляется беспредложное дополнение, и предложение становится распространенным.

6. *Chevrolet. Eye it! Try it! Buy it!* (CHEVROLET).

В составе слогана два предложения. Проанализируем вторую часть слогана: *Eye, try, buy* – простые глагольные сказуемые, *it* – беспредложное дополнение. Предложение такого типа односоставное, распространенное, полное.

Шевроле. Смотри на него! – Испытай его! – Купи его!

Смотри, испытай, купи – глагольные сказуемые, *на него* – предложное дополнение, *его* – беспредложное дополнение. Русский вариант слогана включает односоставные, распространенные, полные предложения.

Синтаксический разбор английского и русского слогана идентичен.

7. *Drive One* (FORD).

Drive – простое глагольное сказуемое, *one* – беспредложное дополнение. Слоган представляет собой односоставное, распространенное, полное предложение.

Возьми и езжай.

В составе слогана однородные глагольные сказуемые, которые соединяются союзом *и*. Односоставное, нераспространенное, полное предложение.

При переводе слогана конструкция становится нераспространенной.

8. *The Star always shines from above* (MERCEDES).

The Star – подлежащее, *always* – обстоятельство времени, *shines* – простое глагольное сказуемое, *from above* – обстоятельство места. Слоган является примером двусоставного, распространенного, полного предложения.

Звезда всегда светит сверху.

Звезда – подлежащее, *всегда* – обстоятельство времени, *светит* – простое глагольное сказуемое, *сверху* – обстоятельство места.

Два предложения идентичны по своей структуре.

9. *Drive your ambition* (MITSUBISHI).

Drive – простое глагольное сказуемое, *your ambition* – дополнение с препозитивным определением. Предложение односоставное, распространенное, полное.

Управляй своими амбициями.

Управляй – простое глагольное сказуемое, *своими* – определение, *амбициями* – беспредложное дополнение. Односоставное, распространенное, полное предложение. При переводе в составе слогана появляется определение.

10. *Today, tomorrow* (TOYOTA).

Предложение без основы. Состоит из однородных обстоятельств времени. Предложение распространенное, эллиптическое.

Сегодня, завтра.

Слоган на русском языке также представляет собой предложение без основы. В его составе только однородные обстоятельства времени. Поэтому, как и слоган на английском языке, русское предложение распространенное, эллиптическое.

11. *Joy Inside* (SUZUKI MARUTI).

Интерпретируем данную конструкцию так: *Joy (is) Inside*. *Joy* – подлежащее, *(is) Inside* – составное глагольно-именное

сказуемое. Предложение двусоставное, распространенное, эллиптическое.

Радость внутри.

Радость – подлежащее, *внутри* – определение места. Односоставное, распространенное, полное предложение.

12. *Lead* (HONDA).

В составе слогана глагол *lead*, который является простым глагольным сказуемым. Предложение односоставное, нераспространенное, полное.

Будь лучшим.

Будь – составное именное сказуемое с постпозитивным определением – *лучшим*. Как и вариант слогана на английском языке, это односоставное, нераспространенное, полное предложение.

13. *The art of seduction* (AUDI).

The art – подлежащее с определением *of seduction* в постпозиции. Односоставное, нераспространенное, полное предложение.

Искусство обольщения.

Искусство – подлежащее, *обольщения* – беспредложное дополнение. Односоставное, распространенное, полное предложение.

14. *The car in front is a Toyota* (TOYOTA).

The car in front – подлежащее – определение в постпозиции, *is a Toyota* – составное именное сказуемое. Предложение двусоставное, нераспространенное, полное.

Автомобиль впереди – это Тойота.

Автомобиль – подлежащее, *это Тойота* – составное именное сказуемое, *впереди* – обстоятельство места. Двусоставное, распространенное, полное предложение.

15. *What will you do with all the money you save?* (TOYOTA).

You – подлежащее, *will do* – составное глагольное сказуемое, *with all money* – предложное дополнение, *you save* – определение в составе дополнения. Предложение двусоставное, распространенное, полное.

Что ты будешь делать с сэкономленными деньгами?

Что – дополнение, *ты* – подлежащее, *будешь делать* – составное глагольное сказуемое, *сэкономленными* – определение, *с деньгами* – предложное дополнение. Так же, как и предложение на английском языке, на русском языке предложение является двусоставным, распространенным, полным.

Подводя итоги проведенного синтаксического анализа автомобильных рекламных слоганов на английском и русском языках, определим общее количество простых предложений – 30 единиц.

Таким образом, учитывая данные, полученные в ходе синтаксического разбора конструкций, необходимо выделить следующее:

- простое предложение в структуре рекламного слогана может подразумевать различные его трактовки;

- чаще двусоставные распространенные предложения в рекламе автомобилей встречаются в русскоязычном слогане (57%);

- креолизованный текст, представленный в графике, служит расширению синтаксической конструкции;

- в качестве подлежащего и дополнения часто выступают абстрактные имена существительные;

- количество полных предложений преобладает над количеством эллиптических;

- эллиптические предложения наиболее характерны для англоязычного рекламного слогана;

- наиболее часто нераспространенные предложения в автомобильном рекламном слогане встречаются на английском языке (71%);

- семантика лексем, которые образуют те или иные члены предложения, крайне важна в синтаксическом разборе предложения;

- распространены определения в постпозиции либо препозиции подлежащего;

- в составе слоганов встречается множество лексем с побудительной семантикой движения;

- редко можно встретить слоган, который представляет собой простое предложение без основы.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.

Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.

Барановская, Т. В. Грамматика английского языка : учебное пособие / Т. В. Барановская. – 2-е изд., испр. и доп. – Киев : ООО «ИП Логос-М», 2015. – 84 с.

Бернацкая, А. А. К проблеме «Креолизации» текста: история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение: Специализированный вестник. – 2000. – Вып. 3 (11). – С. 104-109.

Булатова, Э. В. Стилистика текстов рекламного дискурса : учебное пособие / Э. В. Булатова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 264 с.

Воронина, О. А. Карикатура как вид креолизованного текста / О. А. Воронина // Вестник ЦМО МГУ. – 2009. – № 2: Русистика. – С. 14-18.

Ворошилова, М. Б. Лингвистическая экспертиза: задачник : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 1. Экспертиза конфликтного текста / М. Б. Ворошилова. – Екатеринбург, 2016. – 220 с.

Герчук, Ю. Я. Художественные миры книги / Ю. Я. Герчук. – М., 1989. – 238 с.

Гриненко, Г. В. Семиосфера и семиотика культуры / Г. В. Гриненко // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2013. – № 1 (10). – С. 32-39.

Елина, Е. А. Семиотика рекламы / Е. А. Елина. – М. : Дашков и Ко, 2009. – 136 с.

Ивинских, Н. П. Визуальная метафора в логотипах / Н. П. Ивинских, Ю. В. Плетнева // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2015. – № 11. – С. 30-35.

Касевич, В. Б. Элементы общей лингвистики / В. Б. Касевич. – М. : Наука, 1977. – 177 с.

Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания / А. Е. Кибрик. – М. : МГУ, 1992. – С. 287-301.

Морозова, И. Г. Рекламный сталкер. Теория и практика структурного анализа рекламного пространства / И. Г. Морозова. – М. : Геллапринт, 2002. – 272 с.

Морозова, И. Г. Слагая слоганы / И. Г. Морозова. – М. : РИП-Холдинг, 2003. – 172 с.

Скнарев, Д. С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический, маркетинговый аспекты : дис. ... канд. филол. наук / Скнарев Д. С. – Челябинск, 2015. – 390 с.

Тюрина, С. Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст / С. Ю. Тюрина // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. – 2009. – № 1. – С. 75-77.

Brinton, L. J. The Structure of Modern English: A Linguistic Introduction / L. J. Brinton ; University of British Columbia. – John Benjamins Publishing Company, 2000. – 335 p.

Dyer, G. Advertising as communication / G. Dyer. – London : Routledge, 1995. – 206 p.

Stewart, Ch. Creolization: history, ethnography, theory / Ch. Stewart. – New York : Library of Congress Cataloging-In-Publication Data, 2007. – 304 p.

Список лексикографических источников

Словарь лингвистических терминов. – URL: <http://dic.academic.ru>. – Текст : электронный.

REFERENCES

- Anisimova, E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya / E. E. Anisimova. – M. : Akademiya, 2003. – 128 s.
- Arutyunova, N. D. Tipyazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt / N. D. Arutyunova. – M. : Nauka, 1988. – 341 s.
- Baranovskaya, T. V. Grammatika angliyskogo yazyka : uchebnoe posobie / T. V. Baranovskaya. – 2-e izd., ispr. i dop. – Kiev : OOO «IP Logos-M», 2015. – 84 s.
- Bernatskaya, A. A. K probleme «Kreolizatsii» teksta: istoriya i sovremennoe sostoyanie / A. A. Bernatskaya // Rechevoe obshchenie: Spetsializirovanny vestnik. – 2000. – Vyp. 3 (11). – S. 104-109.
- Bulatova, E. V. Stilistika tekstov reklamnogo diskursa : uchebnoe posobie / E. V. Bulatova. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2012. – 264 s.
- Voronina, O. A. Karikatura kak vid kreolizovannogo teksta / O. A. Voronina // Vestnik TsMO MGU. – 2009. – № 2: Rusistika. – S. 14-18.
- Voroshilova, M. B. Lingvisticheskaya ekspertiza: zadachnik : ucheb. posobie : v 2 ch. Ch. 1. Ekspertiza konfliktnogo teksta / M. B. Voroshilova. – Ekaterinburg, 2016. – 220 s.
- Gerchuk, Yu. Ya. Khudozhestvennyye miry knigi / Yu. Ya. Gerchuk. – M., 1989. – 238 s.
- Grinenko, G. V. Semiosfera i semiotika kul'tury / G. V. Grinenko // Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informatsionny zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv. – 2013. – № 1 (10). – S. 32-39.
- Elina, E. A. Semiotika reklamy / E. A. Elina. – M. : Dashkov i Ko, 2009. – 136 s.
- Ivinskikh, N. P. Vizual'naya metafora v logotipakh / N. P. Ivinskikh, Yu. V. Pletneva // Problemy romano-germanskoy filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. – 2015. – № 11. – S. 30-35.
- Kasevich, V. B. Elementy obshchey lingvistiki / V. B. Kasevich. – M. : Nauka, 1977. – 177 s.
- Kibrik, A. E. Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniiya / A. E. Kibrik. – M. : MGU, 1992. – S. 287-301.
- Morozova, I. G. Reklamnyy stalker. Teoriya i praktika strukturnogo analiza reklamnogo prostranstva / I. G. Morozova. – M. : Gella-print, 2002. – 272 s.
- Morozova, I. G. Slagaya slogany / I. G. Morozova. – M. : RIP-Kholding, 2003. – 172 s.
- Sknarev, D. S. Yazykovye sredstva sozdaniya obraza v reklamnom diskurse: semanticheskii, pragmaticheskii, marketingovyy aspekty : dis. ... kand. filol. nauk / Sknarev D. S. – Chelyabinsk, 2015. – 390 s.
- Tyurina, S. Yu. O ponyatiyakh reklamnyy diskurs i reklamnyy tekst / S. Yu. Tyurina // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta. – 2009. – № 1. – S. 75-77.
- Brinton, L. J. The Structure of Modern English: A Linguistic Introduction / L. J. Brinton ; University of British Columbia. – John Benjamins Publishing Company, 2000. – 335 p.

Dyer, G. Advertising as communication / G. Dyer. – London : Routledge, 1995. – 206 p.

Stewart, Ch. Creolization: history, ethnography, theory / Ch. Stewart. – New York : Library of Congress Cataloging-In-Publication Data, 2007. – 304 p.

Slovar' lingvisticheskikh terminov. – URL: <http://dic.academic.ru>. – Tekst : elektronnyy.

Т. Г. Путилина
Новосибирск, Россия

ЛЕКСЕМА «СОБАКА»: ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена языковым проявлениям идеологического конфликта по вопросу об отношении к проблеме бродячих собак. Рассматриваются специфическая лексика, языковые средства, формы и стили текста, семантика основных понятий, используемых враждующими сторонами для выражения своей позиции.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *языковые конфликты; лексическая семантика; лексические значения; картина мира; конфронтационные стратегии; бродячие собаки; лексемы; языковые средства; идеологические конфликты.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Путилина Татьяна Геннадьевна, аспирант отделения заочного обучения факультета русского языка и литературы Института филологии, массовой коммуникации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.*

Адрес: 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28.

E-mail: push.lock2012@gmail.com.

T. G. Putilina
Novosibirsk, Russia

LEXEMA "DOG": LANGUAGE EXPRESSION OF IDEOLOGICAL CONFLICT

ABSTRACT. *The article is devoted to linguistic manifestations of ideological conflict on the attitude to the problem of stray dogs. Specific vocabulary, language means, forms and styles of text, semantics of basic concepts used by warring parties to express their position are considered.*

KEYWORDS: *language conflicts; lexical semantics; lexical meanings; picture of the world; confrontational strategies; stray dogs; lexemes; language means; ideological conflicts.*

ABOUT THE AUTHOR: *Putilina Tatiana Gennadievna, Postgraduate Student of the Department of Correspondence Training of the Faculty of Russian Language and Literature of the Institute of Philology, Mass Communication and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).*

В современной лингвистике язык изучается не изолированно, как оторванное от жизни явление, а в тесной связи с со-

циально-культурным фоном, в котором он существует и развивается. Благодаря этому исследователи обращают внимание на то, какие формы принимает языковое взаимодействие людей, находящихся в различных отношениях между собой. Как известно, общение может быть как гармоничным, так и конфликтным. Наша работа посвящена конфликту в языковом проявлении. Как констатирует в своей работе о конфликте В. С. Третьякова, «актуальность предлагаемой к обсуждению проблемы определяется тем, что причины и условия конфликтного и гармоничного социально-коммуникативного взаимодействия остаются на сегодняшний день нерешенными» [Третьякова 2003: 144].

Изучение конфликта актуально в связи с антропоцентрическим подходом к языку. Как отмечает А. А. Полканова, «в рамках коммуникативно-прагматического подхода изучаются, прежде всего, речевые и языковые средства, характерные для конфликтного коммуникативного акта» [Полканова 2010: 204]. Следовательно, конфликтный коммуникативный акт вызывает большой интерес у исследователей. Мы думаем, что это обусловлено тем, что именно в языковом поведении во время конфликта, являющем собой экстремальные условия для общения, человек как личность, владеющая языком, проявляет себя наиболее ярко.

Изучая языковые проявления противоборства между радикальными защитниками и сторонниками усыпления (далее – зоореалисты) бродячих собак, мы имеем дело с языковым выражением идеологического конфликта. Это противостояние ярче и напряженнее всего происходит в интернет-пространстве. Прежде всего, уточним понятие конфликта. По мнению А. Г. Здравомыслова, конфликт – «это форма отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями, интересами и потребностями» [Здравомыслов 1996: 96]. Данное определение конфликта актуально для нашего исследования. Однако мы будем анализировать лингвистический аспект такого явления, как конфликт, следовательно, нам интересны его языковые проявления. В лингвистике существует понятие коммуникативного конфликта. А. А. Осипова определяет его следующим образом: «К речевым ситуациям, несущим в себе элементы психологического напряжения, относится коммуникативный конфликт, который определяется как речевое столкновение, основанное на агрессии, выраженной языковыми сред-

ствами. В основе коммуникативного конфликта обычно лежит стремление одного или обоих участников общения снять психологическое напряжение за счет собеседника [Осипова 2011: 79]. Однако, по нашему мнению, за речевым столкновением часто стоит такой экстралингвистический фактор, как столкновение интересов и идей, которое и принимает форму коммуникативного конфликта. Факт несовпадения интересов и мнений конфликтующих сторон отмечает В. С. Третьякова: «Конфликт подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе общения по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений, которые выявляются в ситуации общения» [Третьякова 2003: 144]. В нашем случае исследуемый конфликт строится вокруг лексемы *собака*, значение которой для конфликтующих сторон имеет различную область ядра и периферии и, конечно, коннотативную окраску.

Значения слов, обозначающих животных, часто тесно связаны с мифологическими сюжетами о них и с культурно-социальной ролью, отводимой этим животным в обществе, если это одомашненный вид. В различных культурах собака воспринималась по-разному и выполняла разные функции в мифологической системе. В каждой культуре образ собаки не был однозначным. Наша культура впитала в себя восточные и западные влияния. На востоке мифологическая роль собаки была воплощена как в положительных, так и в отрицательных образах: «В мифологии народов Китая собака выступает в самых разнообразных, как правило, взаимно дополняющих, но порой и противоречивых качествах: первопредка, культурного героя, медиатора между мирами, спутника и защитника героев или, наоборот, злого чудовища» [Комиссаров, Кудинова 2012: 70]. Обратимся к европейской культуре. Источником и фундаментом западной культуры является культура Древней Греции. Самым знаменитым памятником культуры Древней Греции считаются произведения Гомера «Илиада» и «Одиссея». Лев Клейн в своем труде «Расшифрованная Илиада» утверждает, что собака – один из видов животных, которому отводилась роль поедателя трупов. В «Илиаде» неоднократно встречаются описания смерти человека с последующим поеданием останков собаками: «Гектор о трупе:

Мертвое тело ни братья, ни сестры огня не сподобят,
Но троянские псы растерзают его перед градом
(XV, 349-350)» [Клейн 2014: 500].

Сначала это не делало собаку грязным животным, скорее наоборот, возвышало ее, так как люди таким образом предохраняли стихии от загрязнения и такой способ погребения считался нормальным. Трупы бедных поедали общественные собаки, тогда как богатые граждане выращивали для этого случая личных собак. Затем поедание трупов животными заменилось сожжением, и то, что трупы растерзают псы, перестало считаться нормальным и описывается как позор для человека. Тем не менее, память об этом способе погребения осталась, хотя и не в равной степени у разных народов: «Таким образом, есть все основания полагать, что общие предки обеих групп ариев отдавали трупы собакам, но ко времени Вед и Авесты у иранцев этот обычай сохранился лучше, чем у индоариев» [Клейн 2014: 510]. Следовательно, в Древней Греции произошло переосмысление значения собаки в культурной парадигме. Если же обратиться к «Энциклопедии символов» Дж. Купера, то мы узнаем, что значения данного животного в различных культурах очень сильно различаются. Для русского человека наиболее актуальны христианские ассоциации и ассоциации с культурой Древней Греции – колыбелью европейской культуры. По Дж. Куперу, собака «у христиан означает верность, преданность, супружескую верность. Как хранитель стада собака олицетворяет Доброго Пастыря, епископа или проповедника» [Купер 1995: 308]. Заметим, что имеются в виду, видимо, христиане-католики. В Древней Греции отношение к собакам иное: «в греческом языке термин „циник“ (собака) носит презрительный оттенок, предполагает наглость, лесть. Согласно Гомеру, собака бесстыдна, но также является психопомпом» [Купер 1995: 308-309]. Таким образом, неоднозначность отношения к собаке подтверждается различными источниками и изучавшими их учеными.

Рассмотрим, какое смысловое содержание у слов, обозначающих собак, сложилось к настоящему времени. Начнем с того, что все слова, обозначающие данное животное, включая самые нейтральные – *собака*, *пес*, *щенок*, а также *сука*, *кобель* – могут употребляться в качестве метафоры с негативной коннотативной окраской по отношению к человеку.

Собака Перен. С оттенком пренебрежения. О человеке, с излишним рвением охраняющем интересы кого-либо, служащем кому-, чему-либо [БАС, т. 14: 6].

Собака 2. Перен. Простореч. О злом, жестоком, дурном и т. п. человеке [БАС, т. 14: 7].

Пес Перен. О человеке, вызывающем негодование, заслуживающем презрение своим поведением, поступками. Как бранное слово [БАС, т. 9: 1071].

Пес Сторожевой, служилый и т. п. пёс. О человеке, ревностно служащем реакционным силам общества [БАС, т. 9: 1071].

Пёс паршивый, поганый и т. п. [БАС, т. 9: 1071].

Щенок Перен. Простореч. О молодом, неопытном человеке.

Щенок. Бранно [БАС, т. 17: 1672].

Кобель Перен. Грубо просторечн. Бранно. О здоровом, похотливом мужчине [БАС, т. 5: 1083].

Сука Грубо просторечн. Употребляется как бранное слово (обычно по отношению к женщине) [БАС, т. 14: 1175].

Слово *шавка* имеет нейтральное значение:

Шавка Разг. Маленькая собачка, обычно дворняжка [БАС, т. 17: 1229].

Тем не менее, именно со словом *шавка* связано именование зоореалистами бродячих собак такими сленговыми словами, как *шавло*, *шавкал* (шавка+шакал) и *шанус* – слово, представляющее собой слияние имен двух известных бродячих собак, одну звали *Шаня*, а другого пса – *Бонус*. На их лечение были собраны непомерно большие суммы. В итоге слово *шанус* стало употребляться как обозначение собирательного образа собак без породы и дома, подобранных волонтерами и служащих средством для сбора денег. Коннотативно данное слово имеет негативно-пренебрежительную окраску. Сторонники усыпления или другого способа избавления от подобных существ имеют довольно много специфических лексем и словосочетаний для обозначения собак: *БС (бродячая собака)*, *блоховоз* (сложное слово, образованное от сочетания *возит блох*, семантика – грязный и заразный), *меховой чесанизм* (видоизмененное *часовой механизм*, семантика наличия болезней, паразитов, заразности), *блохозавр* (сложное слово, видоизмененное *динозавр с блохами*), *собаня* (насмешливо-презрительное), *«красивые и сильные звери»* (ироничное повторение выражения одной из противниц «догхантеров»). Не обходят зоореалисты вниманием и уже имевшиеся в языке слова, называющие дворовую собаку: *кабыздох* – слово, обозначающее жалкое, неказистое животное, в основном собаку или лошадь.

Со своей стороны радикальные зоозащитники имеют другие обозначения для того же животного. Их не так много, и они, скорее всего, связаны с желанием смягчить негатив от слова-наименований собак, который, как мы убедились, ознакомившись с материалом словарей, явно присутствует в семантике данных лексем. Например, это слова *лесель, собакен*:

По поводу детей, агрессивных собак и пр.: только вчера видела у своего дома – бегают чей-то или ничейный, абсолютно спокойный собакен. Маленькие девочки, лет 7–8, берут камень и кидают в него, хорошо не попали и он не отреагировал (https://vk.com/wall-11022780_79666).

Также для называния собак часто используются слова, обозначающие изначально людей: *ребенок (щенок), мальчик, девочка, малыш, парень*.

Рассмотрим, какие стратегии и тактики используют участники конфликта, и какие языковые средства при этом применяются. А. А. Полканова отметила: «К конфронтационным стратегиям относятся инвективная стратегия, стратегия агрессии, насилия, дискредитации, принуждения, подчинения, разоблачения, реализация которых обуславливает возникновение дискомфортной коммуникативной ситуации и ведет к вербальному конфликту. Стратегии конфронтации связаны непосредственно с конфронтационными тактиками, в которые входят: запугивания, угрозы, упреки, обвинения, издевки, колкости, оскорбления, провокации» [Полканова 2010: 205]. Например, активно используется конфронтационная тактика с акцентированием оппозиции «свой-чужой». Как пишет в своей статье В. Е. Ершова, «оппозиция „свои-чужие“ является базисом всякого межличностного и социального конфликта. Противопоставление „себя“ „другим“ в условиях конфликта вводится для обоснования собственной позиции и дискредитации позиции партнера по коммуникации, понижения его статуса» [Ершова 2012: 13].

Сторонники радикальной зоозащиты избегают употреблять слово *бродячий*, считая это слово принадлежностью лексикона зоореалистов, которых зоозащитники предпочитают называть *догхантерами* (в нижеприведенном примере эти люди названы жаргонным словом *дохы*, также их называют *дохлые, ДХ*):

Наталья Морозова

Также выдаёт дохов термин «бродячие». Собаки не бродят, Они не цирк)) Они существуют в определенном

ареале, на определенной территории, а не мигрируют как птицы))

Светлана Ершова

*Наталья, этому словосочетанию лет 100 как минимум – и в угоду фантазёрам вроде вас вряд ли кто-то будет вместо привычной фразы вытуживать из себя... как там у вас сейчас принято бродячих собак называть? **Бездомные? Свободные? Безхозные? Праздношатающиеся?** (https://vk.com/wall-11022780_79666).*

Используя вместо слова бродячий лексему бездомный, радикальные зоозащитники подразумевают, что у данного существа когда-то *был дом* или, по крайней мере, *должен был быть*. То есть отрицание слова бродячий является тактикой замаскированного упрека в адрес людей, не желающих им помогать. Оппонент зоозащитницы использует в примере тактику насмешки над собеседником (*фантазер*). Зоореалисты понимают, что их пытаются упрекнуть в безответственности и, защищаясь, объясняют свою позицию, используя слова, обозначающие обычных зверей: *дикая, не было хозяина*.

*Зоозащитники нас постоянно убеждают в том, что мы, плохие люди, выкидываем своих домашних животных. Якобы это и есть те самые бездомные животные. Но это не больше, чем прививание чувства вины. Типичная манипуляция любой секты: «ты грешен грязное животное, кайся, постись, и я знаю путь спасения и искупления греха». <...> **Бездомная собака – это естественная форма дикой собаки. У нее никогда не было хозяина** (https://pikabu.ru/story/mifyi_zoozashchityi_i_kak_nami_manipuliruyut_chast_1_5779481).*

Иногда сторонники защиты дворняг используют слова, которые указывают на то, что бродячие собаки не беспородные, а просто являются смесью разных пород и называют их по самому большому сходству с некоей породой: *овчароид, лайкоид* и т. п. Данное именование собак также содержит скрытый упрек людям в том, что они выкинули как бы породистых, но «бракованных» собак. Например, следующее объявление:

*Найден пёс на Пр. Просвещения/Симонова. **Совсем молодой мальчик, овчароид**. Хозяин отзовись! Может кто видел эту собаку у себя во дворе и знает хозяев? Может быть, это лохматое чудо ваш сосед? Помогите вернуть его домой. Он очень **общительный, ласковый и добрый**, его несомненно ждут (https://vk.com/do_poteryashkaspb).*

Более старый вариант такого «привязывания» к породе, когда еще данные дискуссии не были столь ожесточенными – шутивно-насмешливое слово *двортерьер*, производное от коннотативно нейтрального слова *дворягга*:

Дворягга. Непородистая собака; собака, охраняющая двор [БАС, т. 3: 597-598].

В интернете разгораются нешуточные дискуссии о том, кто прав в своем отношении к бродячим (да и домашним) собакам, и языковые способы выражения своего мнения довольно яркие. Практически сразу можно определить, «на какой стороне» тот или иной автор. Для примера приведем еще одно объявление:

Ищете родителей Тимоха. Щенулька 6 месяцев. *Очень ласковый и послушный малыш. Дома ничего не портит. Вырастет настоящим красавцем. От паразитов обработан. Осваивает улицу. Уже проявляет охранные качества. Пристраивается в квартиру или в частный дом (не на цепь). Малыш очень ждет своих маму и папу. Возьмите себе плюшевого друга и вы не пожалеете!* (<https://vk.com/id136687198>).

Как можно заметить, в вышеприведенных двух примерах объявлений собака названа лексемами, применимыми к человеку (*мальчик, малыш, сосед*). Предполагаемым хозяевам навязывается роль родителей (*ждет маму и папу*). Подчеркивается красота животного (*вырастет красавцем*), его чистота и безопасность, даже полезность (*не портит, от паразитов обработан, охранные качества*). Собака названа ласкательными именами, конкретное имя во втором примере – человеческое (*Тимоха, щенулька*), существу приписываются человеческие качества (*общительный, добрый*). В конце он предстает вообще почти что милой игрушкой (*лохматое чудо, плюшевый друг*).

В отличие от этой позиции, автор нижеприведенного примера обращает внимание на другую сторону этих существ и их сторонников и, соответственно, использует другую лексику:

Почему зообабы не забирать всех шавок к себе домой, а перекладывают ответственность за шавло на окружающих? Почему они требуют строить приюты ЗА НАШИ С ВАМИ ДЕНЬГИ и пожизненно содержать собак, в то время, когда люди нуждаются в этих деньгах больше чем собаки? Или у нас все хорошо в медицине, уровне жизни, пенсиях? Почему они не хотят принять на себя ответственность за тех, за кого они так рьяно рвут жопы в интернете? Я вам отвечу почему – потому что по уровню интеллекта эти особи не да-

леко ушли от собак. Потому что в них нет ни капли человечности. Потому что они ставят знак равенства между человеком и животным. Потому что они приписывают собакам человеческие качества. Потому что они привыкли жить в грязи и говне вместе с блохами и глистами. Потому что они хотят что б «кто-то» дал денег, «кто-то» построил приют, но не они. Они не хотят ничего делать, и визжат в сторону тех кто делает хоть что-то. Из за таких глупых людей страдают остальные. Это рак на теле всего СНГ. И очень жаль, что этот рак не «стерелизируют», что б он не размножался.

Р.С. Если собака находится на улице без намордника, поводка и хозяина – вы вполне вправе ее убить в целях самозащиты, ведь это дикое животное которое пыталось на вас напасть, не так ли?; (<https://vk.com/a.svyatogor74>).

Собаки здесь названы словами с негативной коннотативной окраской (*шавки, шавло*). Сторонники радикальной зоозащиты также оцениваются негативно (*зообабы, особи, глупые люди*). Данная позиция объясняется тем, что идеологические враги приравнивают человека к животному (*ставят знак равенства*). Автор отмечает склонность оппонентов очеловечивать животных. Подчеркивается их нечистоплотность (*привыкли жить в грязи...*) и опасность для остальных людей (*страдают остальные*). Автор указывает на то, что данное животное не является частью общества (*дикое*) и опасно для людей (*пыталось напасть*). Здесь можно говорить о тактике оскорбления, принижения статуса оппонента. Также используется тактика свой-чужой, когда автор объединяет себя с читателями (*за наши с вами деньги*).

Итак, из нашего анализа можно сделать вывод, что мы имеем дело с противоположными **ценностными картинками мира**. Данное понятие описывает Т. А. Трипольская в своей монографии: «Ценностная картина мира, объективно выделяемая в языковой картине мира, содержит систему моральных ценностей, этических норм и поведенческих правил. Ценностная картина мира в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами» [Трипольская 1999: 13]. Система моральных ценностей и этических норм конфликтующих сторон

отличаются кардинальным образом, концентрируясь в языковом выражении вокруг значения лексемы *собака*.

В данном случае это обуславливает возникновение языкового конфликта и выработку соответствующих языковых средств нападения и защиты. Сюда включаются и общечеловеческие, и религиозные, и культурные установки и ассоциации. Возможно, поэтому понятие ценностной картины мира разработано на стыке наук: «Таким образом, в сегодняшних представлениях лингвистов, психологов и культурологов о ценностной картине мира (ценностном аспекте языковой картины мира, ценностной парадигме) можно выделить следующее: ценностная картина мира является фрагментом более общей системы представлений говорящих о мире, отраженной в языке; она представляет собой упорядоченное множество оценочных суждений, отражающих ценностные ориентации социума; в ценностной картине мира наиболее ярко отражаются специфические черты национального менталитета; ценности делятся на внешние и внутренние (социально и персонально обусловленные), между ними нет жесткой границы» [Трипольская 1999: 14].

Стороны языкового конфликта иногда привлекают сходные языковые средства. Например, пытаются апеллировать к религии.

Жизнью почти равны человечесьей, // Впрочем, почему это почти? // Их и наши души – это свечи, // Что горят в космической ночи. // <...> // И застыли мы в недоумении: // Там – собака, здесь же – человек, // Неужели зверонаселение – // Это мясо, кожа, шерсть и мех. // Неужели нету наказания? // Неужели так хотел Христос? (<https://vk.com/id417010755>).

В начале стиха автор отвергает слово *почти* и объединяет души людей и собак. Слово *зверонаселение* является окказионализмом, призванным подчеркнуть, что собаки – не просто дикие животные, а такое же население, как и люди, только другой вид. Автор упоминает Христа и считает, что собака равна человеку перед богом. Видимо, автор стиха не в курсе, что церковь подключилась к обсуждению вопроса, и на своем портале приводит такое изречение:

Василий Великий предупреждал: «Убегай бредней угрюмых философов, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою» (<https://pravoslavie.ru/5752.html>).

Другие изречения из Библии, цитируемые в ситуации языкового конфликта по вопросу о бродячих собаках, также негативно характеризуют собак и их качества:

Православный

11 ноября 2019 г. 22:43

Истинно верующие в своём отношении к собакам должны руководствоваться Священным Писанием:

«Берегитесь псов!» (Филипп. 3: 2) **«пес возвращается на свою блевотину»** (II Петр. 2: 22) **«Не давайте святыни псам»** (Мф. 7: 6)

*Иногда кто-нибудь из нас раздражается на людей, наносит им оскорбления, а свою собаку всегда ласкает. Это говорит лишь о **беспорной ущербности духовно-нравственной жизни**. Без иерархически верного понимания мира нет спасения человеку. И отношение к собаке – одно из звеньев этого понимания (<http://newslab.ru/forum/theme/324210>).*

В нижеследующем примере собака названа **живое существо**, чтобы подчеркнуть необходимость относиться к ней, как к человеку. Значение **живой** усилено заглавными буквами. Люди же наоборот названы зверями, которых покарает бог:

Миледи

Ужас! Это какими бессердечными надо быть(((ЖИВАЯ собака с ее ЖИВЫМИ детьми. Честно, не понимаю таких людей-зверей... Как потом можно спать спокойно, зная, что УБИВАЕШЬ ЖИВОЕ СУЩЕСТВО!!!! Всё вернется бумерангом, Бог им судья! (<https://kazanfirst.ru/news/467825>).

Использование прецедентных текстов и высказываний – один из приемов языковой борьбы. Например, песня А. Розенбаума. Приведем такой пример обмена фразами:

Нам до собак ещё расти, // чтоб ровень стать с их благородством. // А им вовек не доползти до человеческого скотства.

«Уипа»:

Ну так начинайте прямо сейчас становиться «благородным». Сношайте прямо на улице и там же под кустом справляйте нужду! Всё «человеческое скотство» отпадет, ведь вы начнете жить по-собачьи (<https://people.onliner.by/opinions/2016/12/15/mnenie-588>).

Вместо цитат зоореалист в ответе приводит настоящие факты из жизни бродячих собак, которые явно неприемлемы для человека и свидетельствуют о том, что собаки – просто живот-

ные, что бы про них ни говорили с пафосом некоторые люди. Выражение *человеческое скотство* взято в кавычки, чтобы подчеркнуть, что это цитата из предыдущего высказывания.

Было бы ошибочным утверждать, что все представители конфликтующих сторон одинаковы в своих взглядах и высказываниях. По замечанию Т. А. Трипольской, «предполагается, что каждый человек характеризуется определенной оценочной шкалой, с помощью которой он отражает мир и находит себе место в этом мире. «Эта внутренняя субстанция – оценочная „призма“ – является структурным имплицитным свойством личности и мощным фактором самоопределения» [Безносков 1982: 8]. Индивидуальные особенности оценочной шкалы проявляются в субъективных вариантах эмотивно-оценочных значений [Трипольская 1999: 14].

На ресурсе известного деятеля в области избавления от дворняг помещен недоброжелателем стих. Приведем фрагменты:

Догхантеров я презираю // Догхантеров я не люблю // И если догхантера встречу, // То всенепременно убью. // Я долго его буду мучить // Чтоб было понятно другим, // Что наших любимых собачек // Мы уничтожить не дадим! <...>

Бензином его оболью, // В глазах прочитаю раскаянье // И заживо, гада, спалю! // Казалось бы можно закончить // Сей антидогхантерский стих, // Но чу! Подросли его дети. // И я доберусь и до них. // Ведь у всех догхантеров дети // Такие же, как и отцы. // И если их не уничтожить, // То будут они, подлецы, // Тиранишь и мучить собачек // Изониазидом травить // Поэтому необходимо // Их всех отыскать и убить! (<https://vk.com/a.svyatogor74>).

Итак, описание красноречиво говорит о садистских наклонностях автора. поэтапное смакование мучений не оставляет в этом сомнений. К тому же, по мысли автора стихотворения, детей тоже ждет смерть, даже если они еще никаких собак не убивали. Конечно, это частный случай. Тем не менее, некоторую схему мышления и тенденцию к языковому выражению агрессии к людям этот пример показывает вполне наглядно. Естественно, на такие заявления реагируют люди из противоположного лагеря, и возникает языковой протест.

Например, девушка на том же ресурсе в поддержку зооралиста (или, по мнению радикальных зоозащитников, догхантера) пишет ему комплименты с ошибками. Однако эти ошибки сделаны не потому, что она не знает правил. По нашему мне-

нию, это можно охарактеризовать как своеобразный язык протеста. Так человек выражает свою позицию свободной личности, которая должна сама диктовать условия общения:

НАСТАЯЩИ МУЩИНА ДОЛЖИИ БЫТЬ АХОТНЕКАМ С БАЛЬШЫМ РУЖЬЕМ И СТРИЛЯТЬ В ЛИСУ ПА ЗВИРЯМ АТГАДАЙТИ ЗОГАТКУ КТО САМИЙ ПРЕКРАСИИ В МИРИ?? ПРИ ВИДИ КАВО МОЖНА УПАСТЬ Ф ОПМАРАК АТ ВАСХЕЩЕНЕЯ?? КТО ДЕЛАИТ ДОБРЫИ ДИЛА?? ЕТА ФСЕ ОН!! СВЯТАГОРУШКА ВИЛИКАЛЕПНИИ!!! УВАЖАЙТИ ЕВО! Алоис Транси (<https://vk.com/a.svyatogor74>).

В арсенале обеих сторон много слов для оскорбления оппонентов. Самые распространенные из них – *живодеры* и *зоошиза*. Например, такой разговор:

Док Хантел

История фейковых, чтобы денег собрать, как видно из последнего абзаца. А псинофилы умственно отсталые уже слюнями мониторы забрызгали.) Забавно.

Доку

@Док Хантел Красавчик)) Только те кто умеют читать и мыслить заметили фальш вонючую, чтоб больше денег в приют вытащить

Живодеров к высшей мере

Пора живодеров приговаривать к высшей мере, задолбали мрази!

Идиотов туда же

@Живодеров к высшей мере А зоошизикам предлагаю продать своё имущество и переехать в приют к собакам, собирая стаи по всем улицам. Ну или деньги от продажи все в приют и самим бичевать не только морально но и материально (<https://kazanfirst.ru/news/467825>).

Показательно, что зоозащитники ядерной смысловой составляющей образа оппонента делают его жестокость (*живодеры*), но сами готовы убивать их (*к высшей мере*). Зоореалисты же основной упрек строят на обвинении в глупости зоозащитников (*идиоты, зоошизики*).

С точки зрения семантики интересно, что слово **зоофашист** возникло практически одновременно в двух значениях и употребляется обеими конфликтующими сторонами. Значение этого слова у радикальных зоозащитников и у зоореалистов, однако, различное. Так, зоореалисты под словом *зоофашизм* понимают готовность приравнять людей к собакам и даже ради

собак поступиться интересами людей. Текст, написанный зоорелистом, отличается такой позицией. Отметим, что данный пост имеет форму статьи.

*<...> Неофашизм имеет много личин, одна из которых – так называемое избирательное «зоозащитничество», точнее «собакозащитничество», «зоофашизм». Как еще можно истолковать распространяемые последними в нынешнее время плакаты, на которых **погибших в мясорубке Великой Отечественной войны людей сравнивают с собаками, при чем – бездомными?** Каким подонком, забывшим о своих корнях нужно быть, дабы позволить себе **сравнивать тела замученных в концентрационных лагерях людей со свалкой собак на помойке?***

*Каким извергом нужно родиться, дабы **плачущего ребенка над погибшей от фашистской бомбы матерью сравнивать со щенком?** Общество в очередной раз сдает экзамен на зрелость и наша задача – поставить на место изгоев, позволивших себе наглые и циничные идеологические выходки **сравнения тел погибших людей с трупами собак.***

*До таких идеологических диверсий **не опускался даже Гитлер** и вся его агитационная машина...<...> (<http://www.animalsprotectiontribune.ru/640.html>).*

В данном примере термин зоофашизм трактуется как неадекватное сравнение жертв фашизма с бродячими собаками. В понимании радикальных зоозащитников зоофашизм – это жестокость (или жесткое высказывание) по отношению к собакам:

Зоофашист ли Иосиф Кобзон?!

*Днем 13 марта в Чите на улице Бале́йская в Ингодинском районе было найдено тело ребенка. СМИ, не дожидаясь результатов расследования, **поспешили обвинить в гибели ребенка бездомных собак.** Внес свои три копейки и Депутат Государственной Думы от Забайкалья Иосиф Давыдович Кобзон, который, как мне кажется, весьма огорчен перемирием в Украине и **решил утолить свою кровожадность за счёт бездомных собак:** «...собак нужно отлавливать и уничтожать. И плевать на тех „зеленых“, которые их защищают...», – сказал Кобзон. <...>*

*Подтверждение, почему **Кобзона можно называть зоофашистом** смотрите, здесь (<https://old.openrussia.org/post/view/3528/>).*

В данном примере о «жестокости» Кобзона авторы пишут с помощью таких выражений, как **поспешил обвинить, решил утолить свою кровожадность, нужно отлавливать и уничтожать**.

О том, что такое **зоофашизм**, можно узнать из информационного ресурса:

Зоофашизм (*«фашизм по отношению к животным» от греч. зооп животное и итал. fascismo фашизм*) – термин, применяемый зоогуманистами по отношению к тем, кто **выступает за уничтожение бездомных животных** (<http://cyclowiki.org/wiki/%D0%97%D0%BE%D0%BE%D1%84%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%B7%D0%BC>).

Известен и человек, впервые начавший активно употреблять лексему **зоофашизм** в значении, актуальном для радикальных зоозащитников.

В 2014 году **зоозащитник (зоогуманист)** и блоггер Андрей Тимесков стал активно применять термин «Зоофашизм», которым предложено **обозначать тех, кто выступает за уничтожение безнадзорных домашних животных** (<http://wikireality.ru/wiki/%D0%97%D0%BE%D0%BE%D1%84%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%B7%D0%BC>).

Также приводится и автор статьи, в которой данное слово имеет значение, актуальное для зоореалистов:

Один из лидеров **догхантеров**, адвокат Святогор, позднее опубликовал свою статью «Зоофашизм», причислив к **зоофашистам защитников стай бродячих собак, которые своими действиями провоцируют граждан на жестокость**. Он осудил зоозащитников, сравнив их с **неофашистами, которые в своей борьбе не останавливаются ни перед чем** (<http://wikireality.ru/wiki/%D0%97%D0%BE%D0%BE%D1%84%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%B7%D0%BC>).

В нашей стране образ фашиста оценивается резко отрицательно большинством граждан. Именно поэтому как сторонники защиты, так и сторонники уничтожения бродячих собак берут слово **зоофашист** себе на вооружение. Очень эффективно и быстро можно создать с помощью слова с частью **-фашист** крайне отрицательный образ. Обе стороны формулируют семантику слова **зоофашист**, начиная с ядерных сем **фанатизм** и **жестокость**, и по-разному продолжают ее: *по отношению к собакам / к людям*.

Зоореалисты также отмечают то, что зоозащитниками часто движет или слепая, чрезмерная любовь к собакам, или совсем не возвышенное желание получить материальную выгоду, угождая зарубежным производителям кормов. Появляются слова *зоораб*, *зоомагнат*. Приведем фрагменты статьи:

Александр Кулагин

ЗООРАБЫ – РАБЫ ЛЮБВИ, НЕСЧАСТНЫЕ КОРМИЛЬЦЫ САТАНЫ

<...>

На сайте Комитета по экологии Госдумы опубликован состав рабочей группы по разработке закона о животных. Так вот, российский закон у нас разрабатывали... представители американской корпорации!

<...>

Это круг: зоорабы кормят зоомагнатов, а зоомагнаты покупают СМИ, ученых и депутатов, дают деньги на поддержку «зоошизы» – «неубиенцев»-зоозащитников, которые вечно борются за «права биоса»... <...>

Почему американские бизнесмены получают в российском парламенте право законодательной инициативы – я не знаю. Мы – колония, управляемая метрополией, центр которой находится в Вашингтоне? <...> (<http://www.animalsprotectiontribune.ru/kulagin3.html>).

Иногда изречения радикальных зоозащитников настолько нелепы, что их противники берут их же на вооружение как пример фанатичных и абсурдных высказываний. Например, угрозы одной активистки зоозащитников, сокрушающейся о том, что известный сайт «Пес и Кот (сокращенно – ПИК) был взломан, содержат одно из них – выражение *ментал монтажной пены*:

Копия угроз матёрой зоофилки, пришедшей на форум догхантеров ДД :)

Хельга

Всем привет! Я с пика! Ну что, хочу я вам сказать – человеческое терпение у меня, например, закончилось. Теперь смотрим внимательно, что будет, когда задействовано нечеловеческое! А ЭТО МНОГО СТРАШНЕЕ БАНОВ НА ПИКЕ

<...> Ментал монтажной пены действует хорошо, я проверяла!

Адьес, ублюдки!

Yaruk <...>

*Кстати, Хельга, пока ты не улетела в «баню», объясни... **ЧО такое МЕНТАЛ МОНТАЖНОЙ ПЕНЫ? Божество твое штоль?!*** (<https://antivegan.ucoz.ru/forum/3-41-1>).

Еще одним прецедентным выражением стало высказывание некоего Михаила Виноградова, позиционирующего себя как медика и психиатра.

Михаил Виноградов – доктор медицинских наук, профессор психиатрии, Руководитель Центра правовой и психологической помощи в экстремальных ситуациях

Убийство животного – это уже диагноз

***«Я считаю, что убийство животного – это уже диагноз, – рассуждает психолог Виноградов. Нормальный человек осознанно этого никогда не сделает».** По его словам, убийцам четвероногих ставят один из трех диагнозов: органические поражения головного мозга, тяжелая форма психопатии или шизофрения. Четвертого не дано* (<https://timeskhan.livejournal.com/155519.html>).

В высказывании-комментарии к заявлению М. Виноградова общезыковые слова с семантикой лжи сочетаются с окказионализмами:

Я щас расплачусь... Виноградов Михаил Викторович, в каждой бочке затычка, тот, который разглагольствовал о якобы «общественной опасности» догхантеров (называя ДХ живодёрами)... короче сей популярный у псино-одержимых клеветник нашего движения оказался пособником околорачебного шарлатанства. О, как, друзья! (<https://www.youtube.com/watch?v=YdjTXgxEhRA>).

Оппоненты М. Виноградова стараются опереться на данные научных исследований, чтобы авторитетно обосновать свою позицию:

Сегодня собака, завтра бездомный ребенок – это наглая ложь зоошизы. На запрос из института Сербского пришел официальный ответ, никакой связи преступников, совершивших убийства людей и жестокого обращения к животным не существует. <...>

Почти все известные людоеды держали псов и кормили их остатками человечины (<https://www.youtube.com/watch?v=9nbaqLwzoqE>).

Итак, подведем итог нашим наблюдениям. В семантике лексемы собака для радикальных зоозащитников центральными понятиями являются обиженность людьми (выброшенный, бездомный), и в то же время преданность, бескорыстие и благо-

родство, делающие этих существ равными людям или даже лучше людей, *беззащитность*, из-за которой им нужно помогать, на околядерном уровне *красота*, *полезность*, *общительность*.

У зоореалистов же семантика лексемы *собака* (чаще всего с уточняющим определением *бродячая*) строится вокруг понятия *дикое животное*, которое *опасно*, так как является *переносчиком инфекций и паразитов*, *агрессивно*, *захватывает и портит участки города* – пространства жизни людей, *никогда не имело дома и не может жить с людьми*, на периферии – неприглядность (кабыздох) и неприемлемость для церкви (*не давайте святыни псам*).

Образ своих врагов радикальные зоозащитники в первую очередь концептуализируют в семантике *жестокости* (живодеры, садисты, зоофашисты), а зоореалисты выдвигают на первый план сему *глупость* в образе своих оппонентов (зоошиза), ей сопутствует фанатизм (псинобесы, псино-одержимые, зоорабы) и ненависть к людям, опускаемым ими ниже собак (зоофашизм).

ЛИТЕРАТУРА

Ершова, В. Е. Отрицание и отрицательная оценка как составляющие речевого конфликта: их функции и роль в конфликтном взаимодействии / В. Е. Ершова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 354. – С. 12-15.

Здравомыслов, А. Г. Социология конфликта / А. Г. Здравомыслов. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 317 с.

Клейн, Л. Расшифрованная «Илиада» / Л. Клейн. – СПб. : Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. – 574 с. – (Серия «Новая Эврика»).

Комиссаров, С. А. Образ небесного пса в китайской мифологии / С. А. Комиссаров, М. А. Кудинова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, выпуск 4: Востоковедение. – С. 70-79.

Купер, Дж. Энциклопедия символов. Серия «Символы». Книга IV. Ассоциация духовного Единения «Золотой век» / Дж. Купер. – М., 1995. – 401 с.

Осипова, А. А. Конфликтемы в речевом взаимодействии / А. А. Осипова // MAGISTER DIXIT. – 2011. – № 4. – С. 78-84.

Полканова, А. А. Понятие «конфликт» в лингвистике: основные подходы к его изучению / А. А. Полканова // Вестник МГЛУ. – 2010. – Вып. 5 (584). – С. 199-207.

Словарь современного русского литературного языка : в 17 томах. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 3.

Словарь современного русского литературного языка : в 17 томах. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 5.

Словарь современного русского литературного языка : в 17 томах. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 9.

Словарь современного русского литературного языка : в 17 томах. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 14.

Словарь современного русского литературного языка : в 17 томах. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1965. – Т. 17.

Третьякова, В. С. Конфликт как феномен языка и речи / В. С. Третьякова // Известия УрГУ. – 2003. – С. 143-152.

Трипольская, Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты / Т. А. Трипольская. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1999. – 166 с.

REFERENCES

Ershova, V. E. Otritsanie i otritsatel'naya otsenka kak sostavlyayushchie rechevogo konflikta: ikh funktsii i rol' v konfliktnom vzaimodeystvii / V. E. Ershova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2012. – № 354. – С. 12-15.

Zdravomyslov, A. G. Sotsiologiya konflikta / A. G. Zdravomyslov. – М. : Aspekt-Press, 1996. – 317 с.

Kleyn, L. Rasshifrovannaya «Iliada» / L. Kleyn. – SPb. : Torgovo-izdatel'skiy dom «Amfora», 2014. – 574 s. – (Seriya «Novaya Evrika»).

Komissarov, S. A. Obraz nebesnogo psa v kitayskoy mifologii / S. A. Komissarov, M. A. Kudinova // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. – 2012. – Т. 11, выпуск 4: Vostokovedenie. – С. 70-79.

Kuper, Dzh. Entsiklopediya simvolov. Seriya «Simvoly». Kniga IV. Assotsiatsiya dukhovnogo Edineniya «Zolotoy vek» / Dzh. Kuper. – М., 1995. – 401 с.

Osipova, A. A. Konflikty v rechevom vzaimodeystvii / A. A. Osipova // MAGISTER DIXIT. – 2011. – № 4. – С. 78-84.

Polkanova, A. A. Ponyatie «konflikt» v lingvistike: osnovnye podkhody k ego izucheniyu / A. A. Polkanova // Vestnik MGLU. – 2010. – Vyp. 5 (584). – С. 199-207.

Slovar' sovremennoy russkoy literaturnoy yazyka : v 17 tomakh. – М. ; Л. : Izd-vo AN SSSR, 1954. – Т. 3.

Slovar' sovremennoy russkoy literaturnoy yazyka : v 17 tomakh. – М. ; Л. : Izd-vo AN SSSR, 1956. – Т. 5.

Slovar' sovremennoy russkoy literaturnoy yazyka : v 17 tomakh. – М. ; Л. : Izd-vo AN SSSR, 1959. – Т. 9.

Slovar' sovremennoy russkoy literaturnoy yazyka : v 17 tomakh. – М. ; Л. : Izd-vo AN SSSR, 1963. – Т. 14.

Slovar' sovremennoy russkoy literaturnoy yazyka : v 17 tomakh. – М. ; Л. : Izd-vo AN SSSR, 1965. – Т. 17.

Tret'yakova, V. S. Konflikt kak fenomen yazyka i rechi / V. S. Tret'yakova // Izvestiya UrGU. – 2003. – С. 143-152.

Tripol'skaya, T. A. Emotivno-otsenochnyy diskurs: kognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty / T. A. Tripol'skaya. – Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 1999. – 166 с.

С. Ю. Рычков

Голицыно, Россия

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ОНИМЫ В КАРОНИМИКЕ:
ПАМЯТЬ О БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ
В НАЗВАНИЯХ КОРАБЛЕЙ¹**

АННОТАЦИЯ. Это попытка рассмотреть тему сохранения исторической памяти о Бородинском сражении и его участниках в названиях (каронимах) кораблей. В ономастических пространствах более двух десятков государств эти всем известные имена и названия организуют ономастическое поле (систему), где ядром выступает топоним Бородино.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: названия кораблей; каронимы; ономастика; историческая память; каронимическое пространство; глобальная каронимия; Бородинское сражение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Рычков С. Ю., капитан III ранга запаса, независимый исследователь.
E-mail: mapdepo@yandex.ru.

S. Yu. Rychkov

Golitsyno, Russia

**PRECEDENTIAL ONYMS IN THE NAMES OF SHIPS:
THE MEMORY OF THE BORODINO BATTLE IN THE KARONIMY**

ABSTRACT. This is the first attempt to develop a theme of preserving the memory of the Borodino battle and its participants in the names of ships (karonyms). In onomastic spaces of more than two dozen states, these well-known names and titles will organize the onomastic field (system), where the toponym Borodino acts as the core.

KEYWORDS: names of ships; caronyms; onomastics; historical memory; caronymic space; global caronymy; battle of Borodino.

ABOUT THE AUTHOR: Rychkov S. Yu., Captain 3rd Rank, a Reserve Officer, Independent Researcher (Golitsyno, Russia).

«Слово, ёже въ началѣ бѣ, ...» [Ин. 1:1]

---

¹ Автор выражает искреннюю признательность д. филол. н. М. Э. Рут, нашей современнице, за конструктивный критический анализ текста. За выводы автора М. Э. Рут ответственности не несет [прим. – С. Р.].

По названиям кораблей можно судить как об одном из признаков цивилизационного выбора пути развития страны (западный или восточный), а также религии, идеологии, духовных и нравственных ценностях народов, наконец, о запросах общества. Названия кораблей (каронимы), являясь нематериальным наследием, сохраняют историческую память, которая «...формирует нравственный климат, в котором живет народ» [Лихачев 2018: 546]. Например, использование агнионимов: название *Святая Мария* встречается в Российской империи в 1790 г. (гребной фрегат), а бриг *St. Maria* и шхуна *Santa Maria* в США в начале XIX в.; корабль Азовской флотилии *Апостол Павел* (1696 г.), пакетбот *Святой Павел* (1740 г.) в России и корабль *St. Paul* (1841 г.) в США. Или широкое употребление мифонимов: имя *Геркулес* имели зверобойная шхуна (1912 г.), корвет (1820 г.) в России и корабли *Herculesus* в 1759 г. и в 1909 г. в Англии, etc. Причем, название *Геркулес* – это не только вид овсяной крупы, «которая придает человеку большие физические силы» [Суперанская 1973: 135] и названная так на заре советской власти, она также является признаком цивилизационного выбора, т. к. древнеримское имя древнегреческого героя Геракла, в честь силы которого нарекли этот продукт, было выбрано не случайно. Дело в том, что греческий язык изучала не только моя бабушка в классической женской гимназии в начале XX в., но роль греческой культуры в Византии, от которой произошло Крещение земли Русской, да и вообще в Европе, общепризнана. Не называют же у нас овсяную крупу именем китайского мифологического героя *Хоу И* (кит. 后羿), который был, кстати, не слабее, чем *Геракл*! Показательно, что в России отсутствуют названия кораблей, связанные с китайской, японской, индийской культурами, а также иными мировыми религиями. Отсутствуют традиционно, поскольку любая традиция, в том числе и наречения кораблей, основана на выборе страной пути цивилизационного развития, исповедуемой религии, идеологии и пр. В СССР существовал монитор *Сунь-Ят-Сен*, названный в 1927 г. в честь руководителя Гоминьдана тов. *Сунь Ятсена* (孫逸仙), что иллюстрирует лишь период общей идеологии в XX-м в., но не является признаком появления традиции, не говоря уже о какой-либо корреляции ономастических пространств Китая и России¹.

---

¹ В августе-сентябре 1945 г. на мониторе проходил службу курсантом брат моего отца – контр-адмирал В. Д. Рычков.

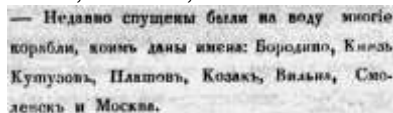
Эти примеры наречения кораблей могут свидетельствовать об общих духовных ценностях разных государств и, несомненно, являются общими корнями историко-культурного пространства стран Запада. Очевидно, термин «историко-культурное пространство», употребляемый историками и культурологами, тождественен ономастическому пространству, употребляемому ономатолагами в неразрывном единстве со временем – «хронотопом» [Топоров 1980: 341-342].

«Каронимика (с греч. карабос ‘корабль’ + онома ‘имя’)» [Ильина 1998] – область языкознания о собственных именах плавсредств, входящая наряду с антропомикой, топонимикой, рядом других областей в ономастику, и «занимается названиями кораблей, историей их возникновения, структурой и традициями наименования» [Кивилева 2014: 110]. В каронимии – отдельной области ономастического пространства – «могут быть выделены ономастические поля. Имена, входящие в состав <...> поля, представляют систему (или комплекс систем), каждый член которой увязан с остальными по ряду параметров: территория, время...» [Суперанская 1973: 147]. Как считает В. И. Супрун, «ономастическое поле состоит из следующих структурных компонентов: ядро (центральная часть), околядерное пространство, периферия (имеющая зональную структуру: ближняя, средняя и крайняя зоны)» [Головина 2012: 45].

В составе флотов разных стран мира находятся суда с каронимиями, по форме и смыслу идентичными друг другу, то есть имеющие не типологически схожие названия, но являющиеся знаками, единообразно трактующимися по смыслу в России, Европе, США и остальном мире. Такие имена причислены к прецедентным онимам, то есть именам, известным всем [Нахимова 2011: 36]. В ономастике применяется термин «топонимическое пространство (поле)» [Петешова, Скогорева 2019: 79], относящийся к географическим названиям. Очевидно, что и названия кораблей формируют каронимическое пространство (поле) мира, отдельной страны (отдельных флотов, размещенных в конкретных морях и океанах, водных бассейнах крупных рек, etc.). Наличие же имен собственных, известных всем европейцам – прецедентных онимов, связанных с Бородинской битвой, позволяет предположить существование общей системы в каронимиях различных государств. Все известные автору исследования англоязычной, французской и российской каронимии [Ильина 1998; Кивилева 2017; Нахимова 2011; Попов 2001; Соловьева

2017] рассматривают этот подраздел ономастики только с позиции отдельно взятой страны, а исследований, касающихся названий кораблей, по крайней мере, принадлежащих западной цивилизации в целом, мы не встречали. Тема Бородино позволила взглянуть на эту проблему шире – с учетом использования прецедентных имен в традиции присвоения действительных названий кораблям, принадлежащим многим государствам.

Война в Европе была в самом разгаре, а 42-й номер (1813) газеты «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» информировал: «из Лондона от 4 мая. Недавно спущены на воду корабли, коим даны имена: *Бородино*, *Князь Кутузов*, *Платов*, *Козак*, *Вильна*, *Смоленск* и *Москва*». Можно утверждать, что с

1813 г. в традиции наименований кораблей флотов разных стран возникли феномены (явления) культуры *Бородино/*

Borodino [Рычков 2019: 162], *Казак/Cossack* [Рычков 2020: 310] (31 корабль, из них: 22 – Великобритания; два – США), а немного ранее – *Napoleon* [Рычков 2020]. В отношении совокупности названий британских кораблей, указанных в заметке «Северной почты...», можно говорить как о поле, ядром которого является название русского села *Бородино*. Отсутствие фундаментального образования не позволяет нам грамотно проанализировать входящее в него множество разнообразных имен. Оставив безуспешные для нас эскерсисы по ономастике профессионалам, можем констатировать, что мы говорим только о названиях кораблей в британской каронимии, а не об онимах иных объектов в комплексе систем ономастической области ономастического пространства, связанных с Бородинским сражением, которое зародилось в международном масштабе с момента спуска на воду, построенного в порту *Шилдс (Shields)*, графство *Тайн-энд-Уир* на севере *Англии*, трехмачтового двухпалубного, обшитого медью корабля, водоизмещением 309 т – «*Borodino*», владелец – *Thomas Row*. Это был первый корабль на просторах морей и океанов, явивший миру всеобщее признание значения битвы при Бородино в войне 1812 г. [Рычков 2019: 163]. Иными онимами, входящими в ту область, условно называем их «бородинскими», являются: гидронимы (озеро *Borodono* на Аляске, реки *Колочь*, *Во'йна*), топонимы *Бородино* (три острова: два – в Японском архипелаге, один – близ Антарктиды; город в Красноярском крае, подводная возвышенность у Антарктиды), имена участников бит-

вы: Российской императорской и Великой Армий; названия литературных, музыкальных, живописных произведений и их авторов, материалов СМИ, мемуаров, картографических произведений искусства, объектов музеефикации и других творений материальной культуры. Можно смело утверждать, что каронимы *Borodino*, *Kutuzoff*, *Platoff* и *Cossak* явились первыми международными объектами нематериального наследия, **первыми** нематериальными памятниками россиянам, спустя восемь месяцев после их подвига при Бородино 26 августа 1812 г.

Повторимся, речь идет о каронимическом поле (системе), где ядром является русский топоним *Borodino* в ономастических пространствах Великобритании, США, Австралии и др., при одновременном существовании каронимического поля (системы), где ядром является тот же топоним *Бородино*, но в российской ономастике. Следовательно, это – ставшая с течением времени, общая глобальная система в каронимиях ономастических пространств более двух десятков разных стран.

По материалам регистров морского и речного судоходства России, международного регистра «Lloyd's Register» (до 1834 г. – «The Register of Shipping»), на текущий момент выявлены 236 плавсредств, имеющих различные номенклатурные термины (классификацию), например:

1. Парусный флот: корабль, бриг, шхуна, барк, лоцманский бот, корвет, шнява, лодка (каное) и др.

2. В индустриальную и постиндустриальную эпохи: пароход (термин появился с 1815 г.), теплоход (термин появился с 1907 г.), эскадренный броненосец, торпедный крейсер, большой морской рыболовный траулер, плавдоча и хаусбот, танкер, глиссер, буксир, десантный катер, ролкер, катамаран и др.

Выявленные названия судов образованы в результате онимизации составных апеллятивов (*Двенадцатый Год*, *Premier Consul*), трансонимизации имен собственных: оттопонимические названия (*Бородино/Borodino* – 29 кораблей); отантропонимические названия (176 кораблей). Последние имеют структуру: простой и составной антропоним; апеллятив + антропоним; составной апеллятив + антропоним, аббревиатура + антропоним, простой антропоним + числительное. То есть, первичные имена собственные с целью сохранения исторической памяти приобрели новую функцию наречения – они становятся именами кораблей: *Бородино/Borodino* (не менее девяти – это зарубежные суда), *Бородинское поле*, *Барклай*, *Сокол Кутузов*, *Kutuzoff*,

Prince Smolensko, Михаил Кутузов (всего кораблей, связанных с онимом *Кутузов*, – 24), *Багратион, Генерал Багратион, Полководец Багратион, Князь Багратион, Багратионовск* (15 кораблей в честь полководца), *Platoff* (пять – Великобритания и по одному кораблю – США, Голландия, всего 19 кораблей в честь М. И. Платова), *Miss Platoff* (в честь дочери атамана – Марии Матвеевны Платовой) [Рычков: 2019: 98], *Атаман Платов, Мичман Лермонтов, Don Cossack, Граф Строганов, Davout, Berthier, Marshal «Неу», Napoleon, Napoleon le Grand, Le Napoléon, La Napoléon, El Napoleon, Le Buonaparte, Napoleone, Le Bonaparte, Canot Imperial de Napoleon Ier, Le Premier Consul, Invincible General Bonaparte, Invincible Napoleon, Le Bonaparte and Brillante, Napoleon the First, VOS Napoleon, Napoleon 5, TB. Napoleon 16* и др.

Отечественная традиция присвоения кораблям действительных имен в XX в. имела свою особенность. Названия кораблей *Кутузово* и *Багратионовск* появились в результате двойного перехода из одного класса имен собственных в другой: антропоним → топоним → кароним. Несмотря на то, что в США выявлено шесть топонимов *Napoleon* в штатах Арканзас, Индиана, Кентукки, Огайо, Миссури, Северная Дакота, нанесенных на карту в 1820–1886 гг. и топоним *Bessières* во Франции – подобной двойной трансонимизации (трансформации имени человека в названия городов и населенных пунктов, а затем в названия судов) с названиями 95 выявленных кораблей *Napoleon* и прогулочного судна *Bessières*, в зарубежной традиции не существует.

В 2012 г на радиостанции Вести ФМ в авторской передаче А. Светенко «Уроки истории», названной «Земля горела под ногами оккупантов», состоялась встреча с военным историком, который заявил буквально следующее: «...Бородинская битва со стратегической точки зрения, ... для русской армии и вообще для России, ... была не столь важна, как, скажем, другие...» [Вести ФМ 2012]. Опровергнем ложное утверждение военного историка, прозвучавшее в эфире федеральной радиостанции, с помощью «Общей теории имени собственного», отразившей внутреннее отношение многих поколений россиян к историческим событиям 26 августа 1812 года. С ономастической точки зрения имя собственное *Бородино*, помимо основной лексической функции – «называть» [Суперанская 1973: 272] «или указывать» [Суперанская 1973: 274], приобрело «основное, главное значение <...> – ассоциацию с главным денотатом» [Суперанская 1973: 285] – **ду-**

ховная победа Российской Армии в Бородинском сражении, развеявшая миф о непобедимости Великой Армии Наполеона. Этот топоним приобрел в разговорной речи в силу своей прецедентности нарицательное свойство (признак апеллятивности). Нам приходилось слышать выражение недовольства людей, говоривших про кого-то: «Я им покажу (или устрою) *бородино!*». Здесь уместно привести иную ассоциацию с главным денотатом другого имени собственного – гидронима *Березина*, который стал ассоциироваться у французов с крахом и катастрофой после сражении 26–29 ноября 1812 г. при переправе через р. Березину. Именно поэтому во французском языке до сих пор существует непере译имое выражение *C'est la bérézina* [Уртуль 2015: 1].

Каронимией «бородинских» прецедентных онимов охвачено не менее 22 стран. Историческую память о Бородинском сражении сохраняют в XXI в. три корабля *Бородино* гражданского флота России, четыре корабля *Казак/Kazak* (три – под флагом РФ, один – Сингапур), шесть кораблей, связанных с именем атамана М. И. Платова, по два корабля с именами: *Кутузов*, *Багратион*, *Денис Давыдов*, а также по одному кораблю с названиями: *Князь «Воронцов»*, *Генерал Ермолов*, *Генерал Раевский*, *Иван Карцов*, *Лейтенант Римский-Корсаков*, *Мичман Лермонтов* и французские: *Berthier*, *Bessieres*. Все это позволяет сохранять историческую память народов, которая по результатам эпохи наполеоновских войн у всех разная.

В отечественной каронимии не выявлено ни одного корабля с именем *Наполеон*, так же как во французской традиции наречения кораблей отсутствует название Бородинского сражения – *La bataille de la Moskova* или просто *Moskova* – одной из 128 побед императора французов, как считали французы, равно, как и побед при «*Mohilev*», «*Smolensko*», «*Valontina*», «*Polotsk*», «*Krasnoi*», обозначенных на восточном пилоне Триумфальной Арки («*Arc de triomphe de l'Étoile*») в Париже. Очевидно, что историческая память в каронимии Франции о победах Великой Армии не сохранена. Более того, можно утверждать, что эта победа по общим итогам проигранной войны была предана такому феномену культуры, как забвение [Лебедева 2006: 10], не означающего, что победы Великой Армии забыты современниками и их потомками. Лакуна в потребности общества сохранить историческую память о победах в проигранной войне компенсирована иным образом, подтверждающим тезис современных философов о созидательном потенциале феномена забвения и,

утверждающих, что «забвение – не антипод памяти, а ее обратная сторона» [Костина 2011: 60]. В настоящее время в мире эксплуатируется 18 кораблей *Napoleon*, из числа которых – 13 были спущены на воду за последние 20 лет. Из них по одному ходят под флагами Великобритании, Австралии, Аргентины, Индии, Нидерландов, Франции; по два – Германии, Италии. И наибольшее количество «наполеоновских» судов принадлежит крупнейшему буксирному флоту мира – Индонезии – не менее восьми кораблей! Так или иначе, наибольшее количество кораблей в мире, названных в честь участников Бородинской битвы, носят имя *Наполеон*.

Следует отметить, что одновременно с забвением имени Наполеона в каронимии России в 2019 г. 250-летие со дня рождения императора французов широко отмечалось в нашей стране музейным сообществом организацией выставок материальных объектов культуры. На них были представлены многочисленные предметы, имеющие музейную ценность: живопись, графика, ордена и медали, документы. Уже не говоря о том, что в обыденной жизни любой желающий, набрав в поисковой строке любой информационно-правовой системы слово *Наполеон*, найдет десятки статей, ссылающихся на нотариат, Кодекс Наполеона, правовые нормы которого действовали до 1917 г. на территории Царства Польского [Рычков 1873: 69]. Многие положения римского права, вошедшие в этот законодательный акт Франции, лозунг «Свобода, равенство, братство», их насаждение с разрушением феодальных пережитков в завоеванных странах, а вместе с тем, демагогическое отношение к религии, например, в Египте [Прусская 2016] или кощунственное в России [Мельникова 2012] – позволяют нам выдвинуть суждение о том, что политика императора французов явилась предтечей будущей глобализации в развитии капитализма, участниками и свидетелями результатов которой мы с вами являемся в последние десятилетия. Наполеон говорил: «Нам нужно единое европейское законодательство, единая кассационная палата Европы, единая монета, одинаковые меры веса и длины, одни и те же законы» [Земцов 2018: 236].

Забвение имени *Наполеон* можно наблюдать только в российской традиции названий кораблей, что неудивительно, так как имянаречение кораблей не только правдиво отражает потребности правящего класса или общества в целом, оно консервативно. Эта консервативность обусловлена, прежде всего,

рамками статьи 67 Конституции России, определяющей Государственную территорию страны, включающую в себя и корабли, являющиеся «подвижной государственной территорией РФ <...> под Государственным флагом РФ» [Зорькин, Лазарев 2010]. Абсурдно представить корабль – территорию России – с названием *Наполеон* под российским флагом (под флагом СССР или Российской империи)! В нашей стране, одноименное название с «шутовским» подтекстом, как проявление истинной доброты российского народа по отношению к завоевателю, наблюдается лишь в отношении «пирожного» [Суперанская 1973: 131], объектов общественного питания, увеселений, гостиничного бизнеса и прочих предметов материальной культуры.

Позволим сделать следующие выводы:

– по названиям кораблей можно судить как о признаке цивилизационного выбора пути развития страны (западный или восточный), религии, идеологии, духовных и нравственных ценностях народов, запросах общества;

– историко-культурное пространство тождественно ономастическому пространству в неразрывной связи с хронотопом (пространство и время);

– в ономастическом пространстве существует область – каронимическое пространство (поле);

– названия кораблей, поименованные в честь Бородинского сражения и его участников, образуют общую глобальную систему (поле), входящую в каронимии разных стран, состоящую из собственных имен кораблей, известных всему миру.

Заключение: для изучения ономастического пространства *Бородино* – поля славы, отваги и мужества россиян в двух войнах, необходимо заинтересовать лингвистов и ономатологов грантами российских организаций и учреждений, прежде всего, Министерства культуры РФ и Министерства просвещения РФ.

ЛИТЕРАТУРА

Головина, Л. С. Русская ономастика в лингвокультурологической репрезентации для иноязычного адресата : монография / Л. С. Головина. – Псков : ПГУ, 2012. – 271 с.

Земцов, В. Н. Европа: имперский проект Наполеона / В. Н. Земцов // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XXI Международной научной конференции, 4-6 сентября 2017 г. – Бородино, 2018. – С. 236.

Зорькин, В. Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Раздел первый. Глава 3. Федеративное устройство. ст. 6 / В. Д. Зорькин, Л. В. Лазарев. – М. : Эксмо, 2010.

Ильина, И. И. Лексико-семантическая и структурная характеристика каронимов (на материале названий волжских пароходств) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ильина И. И. – Самара : СГПУ, 1998. – 24 с. – URL: <http://cheloveknauka.com/leksiko-semanticheskaya-i-strukturnaya-harakteristika-karonimov> (дата обращения: 03.05.2019). – Текст : электронный.

Кивилева, Е. Б. Динамический раздел каронимики как раздела ономастики / Е. Б. Кивилева // Вестник МГЛУ. – 2014. – Вып. 20 (706). – С. 110.

Кивилева, Е. Б. Механизмы номинации единиц военной техники (на материале названий американских и британских кораблей) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кивилева Е. Б. – 2017. – URL: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/mehanizmu-nominacii-edinic-voennoj-tehniki.html> (дата обращения: 07.05.2019). – Текст : электронный.

Костина, Е. Н. Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов / Е. Н. Костина // Ученые записки Казанского университета. – 2011. – Т. 153, кн. 1. – С. 60-65.

Лебедева, Г. В. Память и забвение как феномен культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Лебедева Г. В. – Екатеринбург, 2006. – 25 с. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/943/1/urgu0424s.pdf> (дата обращения: 10.02.2018). – Текст : электронный.

Лихачёв, Д. С. Мысли о Жизни. Письма о добром / Д. С. Лихачёв // Письмо сороковое. О памяти. – М. : КоЛибри, 2018. – С. 446.

Мельникова, Л. В. Московская епархия в Отечественной войне 1812 г. / Л. В. Мельникова. – Текст : электронный // Журнал московской патриархии. – 2012. – № 10. – URL: <https://pravoslavie.ru/56821.html> (дата обращения: 23.06.2020).

Нахимова, Е. А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : монография / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург, 2011. – 311 с.

Петешова, О. В. Топонимическое пространство и особенности его формирования при региональных переименованиях / О. В. Петешова, А. В. Скогорова. – Текст : электронный // Филологический аспект. – 2019. – № 2 (6). – С. 79. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38061024_66867654.pdf.

Попов, Ю. М. Имяобразование кораблей и судов отечественного флота во времена правления Петра I : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Попов Ю. М. – СПб., 2001. – 224 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/imyaobrazovanie-korablei-i-sudov-otchestvennogo-flota-vo-vremena-pravleniya-petra-i> (дата обращения: 03.01.2020). – Текст : электронный.

Прусская, Е. А. Французская экспедиция в Египет 1798-1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций / Е. А. Прусская. – М. : Рос-СПЭН, 2016. – 183 с.

Рычков, С. Ю. Память о Бородинском сражении в названиях плавсредств / С. Ю. Рычков // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XXII Междун. науч. конф. 3–5 сентября 2018 г. – Бородино, 2019. – С. 161-174.

Рычков, С. Ю. Историческая память об участниках Бородинского сражения в названиях кораблей / С. Ю. Рычков // Отечественная война 1812 года и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XXIII Международной научной конференции, 3–5 сентября 2019. – Бородино, 2020. – С. 310.

Рычков, С. Ю. «Invincible Napoleon»: память об участнике Бородинского сражения императоре Наполеоне I в названиях кораблей. К 200-летию со дня смерти императора французов / С. Ю. Рычков. – Текст : электронный // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. XXIV Международная научная конференция, Бородино, 7–9 сентября 2020 года. – URL: <https://yandex.ru/search/?text=Бородинский%20музей%20«Invincible%20Napoleon»%3A%20память%20об%20участнике%20Бородинского%20сражения%20императоре%20Наполеоне%20I%20в%20названиях%20кораблей.%20К%20200-летию%20со%20дня%20смерти%20французского%20императора&lr=21646&clid=9582> (дата обращения: 03.11.2020).

Рычков, С. Ю. Тема казачества в традиции наименований кораблей / С. Ю. Рычков // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического институт). – 2019. – № 5. – С. 96-102.

Рычков, Н. М. О гминных судах в Царстве Польском / Н. М. Рычков. – Текст : электронный // Журнал гражданского и уголовного права. – 1873. – Кн. 5. Сентябрь. – С. 69. Цит по: Кодан, С. В. Местное право Царства Польского: формирование, источники, трансформации (1815-1917 гг.) / С. В. Кодан, С. А. Февралев. – Текст : электронный // Социодинамика. – 2013. – № 3. – С. 246-295. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=468 (дата обращения: 08.06.2020).

Светенко, А. С. Вести ФМ, радиопередача от 06.10.2012. – URL: <https://radiovesti.ru/brand/60935/episode/1353535/> (дата обращения: 05.08.2018). – Текст : электронный.

Соловьева, Е. А. Антропонимические наименования современных ударно-боевых кораблей ВМС Франции / Е. А. Соловьева. – Текст : электронный // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2017. – Т. 2, № 3. – С. 145-155. – URL: <http://www.pi-journal.com/index.php/pii> (дата обращения: 03.05.2018).

Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 360 с.

Топоров, В. Н. Пространство. Мифы народов мира : энциклопедия / В. Н. Топоров. – М., 1980. – Т. 2. – С. 341-342.

Уртуль, Ф.-Ги. 1812. Березина. Победа в разгар катастрофы / Ф.-Ги. Уртуль. – М. : Эксмо, 2015. – 128 с.

REFERENCES

Golovina, L. S. Russkaya onomastika v lingvokul'turologicheskoy reprezentatsii dlya inoyazychnogo adresata : monografiya / L. S. Golovina. – Pskov : PGU, 2012. – 271 s.

Zemtsov, V. N. Evropa: imperskiy proekt Napoleona / V. N. Zemtsov // Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy : materialy XXI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 4-6 sentyabrya 2017 g. – Borodino, 2018. – S. 236.

Zor'kin, V. D. Kommentarii k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Razdel pervyy. Glava 3. Federativnoe ustroystvo. st. 6 / V. D. Zor'kin, L. V. Lazarev. – М. : Eksmo, 2010.

Il'ina, I. I. Leksiko-semanticheskaya i strukturnaya kharakteristika karonimov (na materiale nazvaniy volzhskikh parokhodstv) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Il'ina I. I. – Samara : SGPU, 1998. – 24 s. – URL: <http://cheloveknauka.com/leksiko-semanticheskaya-i-strukturnaya-harakteristika-karonimov> (data obrashcheniya: 03.05.2019). – Tekst : elektronnyy.

Kivileva, E. B. Dinamicheskyy razdel karonimiki kak razdela onomastiki / E. B. Kivileva // Vestnik MGLU. – 2014. – Vyp. 20 (706). – S. 110.

Kivileva, E. B. Mekhanizmy nominatsii edinits voennoy tekhniki (na materiale nazvaniy amerikanskikh i britanskikh korabley) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Kivileva E. B. – 2017. – URL: <http://www.dslib.net/germanskie-jazyki/mehanizmy-nominatsii-edinic-voennoj-tehniki.html> (data obrashcheniya: 07.05.2019). – Tekst : elektronnyy.

Kostina, E. N. Pamyat', zabvenie, identichnost': dialektika fenomenov / E. N. Kostina // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. – 2011. – T. 153, kn. 1. – S. 60-65.

Lebedeva, G. V. Pamyat' i zabvenie kak fenomen kultury : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk / Lebedeva G. V. – Ekaterinburg, 2006. – 25 s. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/943/1/urgu0424s.pdf> (data obrashcheniya: 10.02.2018). – Tekst : elektronnyy.

Likhachev, D. S. Mysli o Zhizni. Pis'ma o dobrom / D. S. Likhachev // Pis'mo sorokovoe. O pamyati. – М. : KoLibri, 2018. – S. 446.

Mel'nikova, L. V. Moskovskaya eparkhiya v Otechestvennoy voyne 1812 g. / L. V. Mel'nikova. – Tekst : elektronnyy // Zhurnal moskovskoy patriarkhii. – 2012. – № 10. – URL: <https://pravoslavie.ru/56821.html> (data obrashcheniya: 23.06.2020).

Nakhimova, E. A. Pretsedentnye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya : monografiya / E. A. Nakhimova. – Ekaterinburg, 2011. – 311 s.

Peteshova, O. V. Toponimicheskoe prostranstvo i osobennosti ego formirovaniya pri regional'nykh pereimenovaniyakh / O. V. Peteshova, A. V. Skogoreva. – Tekst : elektronnyy // Filologicheskyy aspekt. – 2019. –

№ 2 (6). – S. 79. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38061024_66867654.pdf.

Popov, Yu. M. *Imyaobrazovanie korabley i sudov otechestvennogo flota vo vremena pravleniya Petra I* : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk / Popov Yu. M. – SPb., 2001. – 224 s. – URL: <https://www.dissercat.com/content/imyaobrazovanie-korablei-i-sudov-otechestvennogo-flota-vo-vremena-pravleniya-petra-i> (data obrashcheniya: 03.01.2020). – Tekst : elektronnyy.

Prusskaya, E. A. *Frantsuzskaya ekspeditsiya v Egipet 1798-1801 gg.: vzaimnoe vospriyatie dvukh tsivilizatsiy* / E. A. Prusskaya. – M. : ROS-SPEN, 2016. – 183 s.

Rychkov, S. Yu. *Pamyat' o Borodinskom srazhenii v nazvaniyakh plavstredstv* / S. Yu. Rychkov // *Otechestvennaya voyna 1812 g. Istochniki. Pamyatniki. Problemy* : materialy XXII Mezhdun. nauch. konf. 3–5 sentyabrya 2018 g. – Borodino, 2019. – S. 161-174.

Rychkov, S. Yu. *Istoricheskaya pamyat' ob uchastnikakh Borodinskogo srazheniya v nazvaniyakh korabley* / S. Yu. Rychkov // *Otechestvennaya voyna 1812 goda i osvoboditel'nye pokhody russkoy armii 1813–1814 godov. Istochniki. Pamyatniki. Problemy* : materialy XXIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 3–5 sentyabrya 2019. – Borodino, 2020. – S. 310.

Rychkov, S. Yu. «Invincible Napoleon»: pamyat' ob uchastnike Borodinskogo srazheniya imperatore Napoleone I v nazvaniyakh korabley. K 200-letiyu so dnya smerti imperatora frantsuzov / S. Yu. Rychkov. – Tekst : elektronnyy // *Otechestvennaya voyna 1812 goda. Istochniki, pamyatniki, problemy. XXIV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*, Borodino, 7–9 sentyabrya 2020 goda. – URL: <https://yandex.ru/search/?text=Borodinskiy%20muzey%20«Invincible%20Napoleon»%3A%20pamyat'%20ob%20uchastnike%20Borodinskogo%20srazheniya%20imperatore%20Napoleone%20I%20v%20nazvaniyakh%20korabley.%20K%20200-letiyu%20so%20dnya%20smerti%20frantsuzskogo%20imperatora&lr=21646&cli d=9582> (data obrashcheniya: 03.11.2020).

Rychkov, S. Yu. *Tema kazachestva v traditsii naimenovaniy korabley* / S. Yu. Rychkov // *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (Novocherkasskogo politekhnicheskogo instituta)*. – 2019. – № 5. – S. 96-102.

Rychkov, N. M. *O gminnykh sudakh v Tsarstve Pol'skom* / N. M. Rychkov. – Tekst : elektronnyy // *Zhurnal grazhdanskogo i ugovovno-go prava*. – 1873. – Kn. 5. Sentyabr'. – S. 69. Tsit po: Kodan, S. V. *Mestnoe pravo Tsarstva Pol'skogo: formirovanie, istochniki, transformatsii (1815-1917 gg.)* / S. V. Kodan, S. A. Fevralev. – Tekst : elektronnyy // *Sotsiodinamika*. – 2013. – № 3. – S. 246-295. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=468 (data obrashcheniya: 08.06.2020).

Svetenko, A. S. *Vesti FM, radioperedacha ot 06.10.2012*. – URL: <https://radiovesti.ru/brand/60935/episode/1353535/> (data obrashcheniya: 05.08.2018). – Tekst : elektronnyy.

Solov'eva, E. A. *Antroponimicheskie naimenovaniya sovremennykh udarno-boevykh korabley VMS Frantsii* / E. A. Solov'eva. – Tekst : el-

elektronnyy // Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy. – 2017. – T. 2, № 3. – S. 145-155. – URL: <http://www.pi-journal.com/index.php/pii> (data obrashcheniya: 03.05.2018).

Superanskaya, A. V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo / A. V. Superanskaya. – M. : Nauka, 1973. – 360 s.

Toporov, V. N. Prostranstvo. Mify narodov mira : entsiklopediya / V. N. Toporov. – M., 1980. – T. 2. – S. 341-342.

Urtull', F.-Gi. 1812. Berezina. Pobeda v razgar katastrofy / F.-Gi. Urtull'. – M. : Eksmo, 2015. – 128 s.

Е. Д. Сивакова
Екатеринбург, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГНЕВА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию особенностей метафорической репрезентации концепта ZORN («гнев») в немецком языке. Материалом исследования послужили примеры метафор, отобранные из текстов современной немецкоязычной прессы (Die Zeit, Jetzt). Как показал анализ, в немецком языке востребованы структурные метафоры ZORN IST DIE TEMPERATUR, ZORN IST DIE FARBE, ZORN IST EXPLOSION и ориентационная метафора ZORN IST HÖHE для описания гнева.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *концепты; концептуальные метафоры; когнитивная лингвистика; эмотивы; концептуализация гнева; гнев; немецкий язык.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Сивакова Е. Д., Российский государственный профессионально-педагогический университет.*

Адрес: 620012, Россия, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.

E. D. Sivakova
Ekaterinburg, Russia

METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION OF ANGER IN THE GERMAN LANGUAGE

ABSTRACT. *The article deals with the features of metaphorical representation of concept ZORN ("anger") in the German language. The research material consists of examples of metaphors selected from the texts of modern German-language press (Die Zeit, Jetzt). The analysis showed that structural metaphors (ZORN IST DIE TEMPERATUR, ZORN IST DIE FARBE, ZORN IST EXPLOSION) and orientational metaphor (ZORN IST HÖHE) for describing anger are in demand in the German language.*

KEYWORDS: *concepts; conceptual metaphors; cognitive linguistics; emotives; conceptualizing anger; anger; German.*

ABOUT THE AUTHOR: *Sivakova E. D., Russian State Vocational Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).*

В современной лингвистике отмечается повышенный интерес исследователей к анализу когнитивных метафор. В част-

ности, это подтверждается специальными обзорами современных исследований в отечественной [Будаев, Чудинов 2020б] и зарубежной метафорологии [Будаев, Чудинов 2020а]. Этот интерес во многом связан с разработкой теории концептуальной метафоры, утверждающей, что метафора является важнейшим инструментом осмысления мира [Lakoff, Johnson 1980]. Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет. Метафора является не только стилистическим средством, но и неотъемлемым механизмом человеческого мышления, способом концептуализации одной понятийной области в понятиях другой семантической области [Чудинов 2003].

Понятийные области наполнены концептами, под которыми понимаются универсальные единицы мыслительного поля человека, отражающие многоуровневую совокупность знаний о каком-либо фрагменте действительности. Ядро концепта – чувственный образ, который проходит через различные ступени сложных мыслительных процессов, стремясь к высшей абстракции. В результате этого процесса он приобретает большое количество признаков, всесторонне отражающих свойства и качества познаваемых предметов и явлений, превращаясь на высшей ступени абстракции в целостный образ.

Эмоциональный концепт – это интегративная мыслительная конструкция, фиксирующая в вербальной форме само понятие, его ценность для носителей языка и образы их языкового сознания [Шаховский 2016; Kövecses 2003]. Когнитивные модели, в которые упакован огромный объем индивидуального эмоционального опыта, в значительной степени определяются естественным языком. Таким образом, концепты, отражающие эмоции, представляет собой сложную макрокомпонентную структуру, состоящую из образного, мотивировочного, экспрессивного, оценочного, эмоционального и культурного компонентов, вербализуемых в речи определенного языка.

Представление внутренней жизни человека в языке отражает особую картину мира, которая довольно существенно отличается от научной. Соответственно и внутреннюю жизнь человека, в том числе эмоциональную, язык как когнитивный механизм трактует своими специфическими средствами [Болдырев

2018; Карасик 2002]. Изучение концептов, репрезентируемых средствами языка, вызывает широкий интерес исследователей, которые сходятся во мнении, что метафорические единицы являются важным источником данных о мышлении. Метафорические единицы являются эффективным средством выражения отношения человека к окружающей его действительности, поэтому именно когнитивный подход к языку позволяет эффективно изучать концептуальное содержание через эмотивы.

Немецкие метафоры гнева уже подвергались изучению. Например, метафоры гнева в немецком языке рассматривались Н. А. Красавским [2008]. В его исследовании были рассмотрены этимологические и структурно-семантические особенности четырех эмотивов в немецком языке (Angst, Freude, Trauer, Zorn). В когнитивном исследовании немецких метафор гнева, проведенном Э. В. Будаевым и Е. В. Южаниновой [2020] на примере лексикографических источников, были выявлены три ведущие онтологические метафоры в немецком языке. Первая онтологическая метафора ZORN IST CONTAINER описывает гнев как объект материального мира, имеющий внутреннее пространство, в которое помещается человек, испытывающий данную эмоцию. Вторая концептуальная метафора – ZORN IST SUBSTANZ – осмысляет гнев как жидкое или газообразное вещество. Такое осмысление гнева обычно сочетается с концептуальной метафорой MENSCH IST CONTAINER, создавая образ человека как вместилища, которое наполняет эмоция гнева. Третий вариант онтологической метафоризации рассматриваемого концепта – ZORN IST WESEN. Данная концептуальная метафора представляет гнев или как сущность, обладающую собственной активностью, то есть как онтологическую единицу, способную порождать казуальный ряд событий (ZORN IST AKTIVES WESEN), или как объект, с которым можно осуществлять манипуляции, или который подвергается воздействию внешних сил (ZORN IST PASSIVES WESEN).

Структурные метафоры реже используются для концептуализации гнева в немецком языке, чем онтологические образы, но они тоже требуют внимания. Структурные метафоры дают возможность использовать знакомые и структурированные концепты для структурирования другого, более абстрактного концепта (WUT, ZORN). Как показывают наши материалы, эмоция гнева в немецком языковом сознании связана с представлениями о цвете, температуре и взрыве: ZORN (ZORN IST DIE

TEMPERATUR / ГНЕВ – ЭТО ТЕМПЕРАТУРА, ZORN IST DIE FARBE / ГНЕВ – ЭТО ЦВЕТ, ZORN IST EXPLOSION / ГНЕВ – ЭТО ВЗРЫВ).

Рассмотрим концептуальную метафору ZORN IST DIE FARBE. Цветовая метафора оказывается продуктивной при характеристике эмоции гнева. Эта концептуальная метафора тесно связана с физиологическими процессами, вызывающими изменение цвета лица при гневe, что иллюстрируется соответствующими выражениями. Ср.:

Vor Zorn rot werden. – От гнева покраснеть.

Weiss vor Zorn. – Белый от гнева.

Vor Zorn schwarz werden. – Почернеть от гнева.

Лексема *schwarz* в репрезентации концепта ZORN трактуется как интенсификатор негативных коннотаций. Ср.:

Neue Marktnischen zu besetzen, war bisher die Domäne der Japaner. Coupés auf Kleinwagen-Basis bieten sie freilich vorzugweise daheim an, für Europa gibt es nur die etwas größeren Kompaktmodelle im Maßanzug. Mit dem Tigra bringt Opel nun einen Trendsetter, der junge Leute ansprechen soll. Dem Opellmage wird dieses Auto gut tun. Und mancherorts wird man vor Zorn schwarz werden, daß man nicht selbst darauf gekommen ist (Zeit Online. 26.11.1994).

Schwarz в данном примере выступает в роли интенсификатора, усиливая значение гневной реакции со стороны конкурентов на автомобильном рынке. Гнев в данном случае является следствием упущенной возможности получить экономические выгоды.

Помимо традиционных колоративов (*rot, weiss, schwarz*) возможно использование в качестве метафоры лексемы *gelb*. В следующем контексте данная лексема используется для описания проблемы понижения качества сервиса швейцарской почты. Ср.:

Service-Abbau der Post: Kunden sind gelb vor Wut. Trotz stolzem Reingewinn von 825 Millionen Franken spart der gelbe Riese überall: Briefkästen, die nur noch morgens geleert werden. Poststellen, die telefonisch nicht mehr direkt erreichbar sind. A-Post, die nicht am nächsten Tag ankommt (Zeit Online. 03.03.2011).

Как отмечают авторы статьи, почтовые ящики опустошаются лишь по утрам, с почтовыми филиалами нельзя связаться по телефону, экспресс-почта не доставляется на следующий день. Несмотря на 825 миллионов чистой прибыли, «желтый

гигант» (желтый цвет – символ почтовой связи в Швейцарии) экономит, что, само собой разумеется, выводит клиентов из себя. Употребление *vor Wut gelb sein* (пожелтеть от гнева) в данном контексте связано с символьным цветообозначением почтовой связи. Причинно-следственная связь в данном конкретном примере выглядит следующим образом: снижение качества услуг – гнев клиентов. Все это концептуальное содержание объединяется путем метафорического блендинга, что приводит к контаминации на языковом уровне: *Vor Zorn rot (schwarz) werden > vor Wut gelb sein*.

Вторая структурная метафора – ZORN IST DIE TEMPERATUR. Эмоции WUT и ZORN в немецком языке описываются также с помощью «температурной» метафоры, в чем опять же проявляется физиология их человеческого восприятия. Ср.:

Eine kalte, bittere Wut erfüllte sie. – Холодная, горькая ярость охватила ее.

Scham, Zorn und Ratlosigkeit stiegen ihm heiss zu Kopf. – Стыд, гнев и недоумение жарко поднялись ему на голову.

Переживание эмоций группы гнева сопряжено, таким образом, с физическим ощущением повышения или понижения температуры человеческого тела. Эти ощущения метонимически переносятся на концепт самой эмоции и включаются в концептуальные метафоры с использованием колоративов.

Теперь рассмотрим ориентационную метафору ZORN IST HÖHE. Естественным для человека является такое пространственное расположение, при котором он стоит двумя ногами на земле. Данное пространственное расположение имеет следующее метафорическое значение – быть реалистичным, практичным, уверенным. И наоборот, когда человек теряет почву под ногами, земля уходит у него из-под ног, это состояние метафорически осмысливается как неспособность разумно мыслить и действовать.

Мотивировка *von dem Zorn in die Höhe gehen, in die Luft gehen, j-n in der Luft zerreißen* связана с образом взрыва (ZORN IST EXPLOSION). Как при взрыве все разлетается и летит вверх, испытывая гнев, человек теряет устойчивое пространственное положение, а значит, перестает разумно действовать и мыслить.

В следующем контексте автор описывает эмоциональное состояние Отто Шили, немецкого политика и адвоката от партии

СДПГ, в случае, если ему будет задан ряд вопросов, касающихся миграционной комиссии. Ср.:

Fragen Sie also Otto Schily einmal, was er von dem Vorhalt hält, es gebe bei der nicht-staatlichen und geschlechtsspezifischen Verfolgung im deutschen Asylrecht „Schutzlücken“ – dann geht er nämlich vor Zorn in die Luft wie eine Rakete (jetzt.de. 16. 04.2009).

Реакция политика уподобляется взрыву. При этом автор усиливает предположительное проявление гнева при помощи сравнения с ракетой – политик взлетит от взрыва гнева в воздух со скоростью ракеты (wie eine Rakete).

Аналогичный пример употребления выражения *vor Zorn in die Luft gehen* подтверждает мотивировку образа взрыва. Ср.:

Die schlagfertige Professorin ist keine Frau, die aus Dankbarkeit das Hohelied auf die TU München singt. Sie selbst bezeichnet sich als Tretmine, die vor Zorn die Luft geht, wenn ihr etwas nicht passt (Zeit Online. 03.07.2003).

Эмоциональная реакция усиливается в данном примере при помощи образного сравнения als Tretmine (как противопехотная мина).

Таким образом, в немецком языке для описания гнева востребован ряд структурных метафор (ZORN IST DIE TEMPERATUR, ZORN IST DIE FARBE, ZORN IST EXPLOSION) и ориентационная метафора ZORN IST HÖHE, которые нередко переплетаются в ходе речевой объективации.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. – М. : Языки славянской культуры, 2018.

Будаев, Э. В. Политическая метафорология на современном этапе развития (2010–2019 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020а. – № 3. – С. 56-70.

Будаев, Э. В. Современная российская политическая метафорология (2010–2020 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Филологический класс. – 2020б. – Т. 25, № 2. – С. 103-113.

Будаев, Э. В. Онтологические метафоры как способ репрезентации концепта ZORN в немецком языке / Э. В. Будаев, Е. В. Южанинова // Актуальные вопросы филологии и педагогической лингвистики. – 2020. – № 2. – С. 70-79.

Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002.

Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – М. : Гнозис, 2008.

Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003.

Шаховский, В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М. : ЛИБРОКОМ, 2016.

Kövecses, Z. Metaphor and Emotion. Language, Culture, and Body in Human Feeling / Z. Kövecses. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003.

Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980.

REFERENCES

Boldyrev, N. N. Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka / N. N. Boldyrev. – М. : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2018.

Budaev, E. V. Politicheskaya metaforologiya na sovremennom etape razvitiya (2010–2019 gg.) / E. V. Budaev, A. P. Chudinov // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. – 2020a. – № 3. – S. 56-70.

Budaev, E. V. Sovremennaya rossiyskaya politicheskaya metaforologiya (2010–2020 gg.) / E. V. Budaev, A. P. Chudinov // Filologicheskij klass. – 2020b. – Т. 25, № 2. – S. 103-113.

Budaev, E. V. Ontologicheskie metafory kak sposob reprezentatsii kontsepta ZORN v nemetskom yazyke / E. V. Budaev, E. V. Yuzhaninova // Aktual'nye voprosy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. – 2020. – № 2. – S. 70-79.

Karasik, V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs / V. I. Karasik. – Volgograd : Peremena, 2002.

Krasavskiy, N. A. Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh / N. A. Krasavskiy. – М. : Gnozis, 2008.

Chudinov, A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii / A. P. Chudinov. – Ekaterinburg, 2003.

Shakhovskiy, V. I. Emotsii: dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya / V. I. Shakhovskiy. – М. : ЛИБРОКОМ, 2016.

Kövecses, Z. Metaphor and Emotion. Language, Culture, and Body in Human Feeling / Z. Kövecses. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003.

Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980.

Ши Шу

Гуандун, Китай

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

АННОТАЦИЯ. *В данной статье рассматриваются ключевые вопросы изучения русской речевой этики. Исследование базируется на идее о том, что язык является средством межличностного общения, а этика – совокупность правил межличностного общения. В рамках изучения речи следует уделять особое внимание проблематике, связанной с речевой этикой. Принципы речевой этики проявляются в системе форм и стилей общения, в речевом этикете; их изучением занимаются такие научные дисциплины, как речеведение, риторика, стилистика, культура речи и др. Исследования русской речевой этики могут опираться на анализ пословиц и поговорок, эвфемизмов, обращений, лексических значений слов, особенностей контекста и др. Речевая этика представляет собой объект одновременно и лингвистики, и этики.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *речевая этика; русская речевая этика; русский язык; этические нормы; этические отношения; речевой этикет; межличностное общение.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Ши Шу, доцент, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли.*

Адрес: Кунтай, Guangdong Province, Guangzhou, Baiyun, 2 Baiyun N Ave.

Shi Shu

Guangdong, China

STUDYING RUSSIAN SPEECH ETHICS: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS

ABSTRACT. *The article discusses the key issues in the study of Russian speech ethics. The research is based on the idea that language is a means of interpersonal communication, and ethics is a set of rules for interpersonal communication. Within the framework of the study of speech, special attention should be paid to problems related to speech ethics. The principles of speech ethics are manifested in the system of forms and styles of communication, in speech etiquette; such scientific disciplines as speech, rhetoric, stylistics, culture of speech, etc. are engaged in their study. Researches of Russian speech ethics can be based on the analysis of proverbs and sayings, euphemisms, addresses, lexical meanings of words, context features, etc. Speech ethics is an object of both linguistics and ethics.*

KEYWORDS: *speech ethics; Russian speech ethics; Russian language; ethical standards; ethical relationships; speech etiquette; interpersonal communication.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shi Shu, Associate Professor, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade (Guangdong, China).*

Введение. «Основная характеристика языка – то, что он принадлежит человеку. Не учитывая фактора человека, трудно всесторонне объяснить функционирование языка» [索绪尔. 普通语言学教程 2009: 172]. Язык есть важнейшее средство человеческого общения. Без языка человеческое общение невозможно в принципе. Именно функция главного инструмента социальной коммуникации отличает язык от других социальных явлений.

Согласно концепции Ф. де Соссюра язык – это система, речь – это реализация системы. В данной работе использование терминов «речь», «речевой» призвано подчеркнуть, что в фокусе исследования – именно функционирование языка, а не его система. Осуществление и координация всех видов так или иначе связаны с речью. Речевая деятельность представляет собой чрезвычайно важный объект современного языкознания. Многоуровневый анализ и исследование языка, речи и текста, по сути дела, и составляют основное содержание лингвистической науки.

Речевое поведение человека прямо связано со сферой этики. Задача речевой этики – изучение речевых норм с этической точки зрения. Соблюдение речевых норм и правил – важное, но не единственное требование речевой этики. Она предусматривает также умение строить речевое поведение с соблюдением собственно этических норм.

I. Определения понятий.

1. Речь. Одно из основных положений теории Ф. де Соссюра – различие языка и речи. Язык (*la langue*), по Ф. де Соссюру, – это общий для всех говорящих набор средств, используемых при построении фраз на данном языке, «система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа»; речь (*la parole*) – конкретные высказывания индивидуальных носителей языка, индивидуальные акты выражения и понимания смыслов. Процесс реализации языка в речи – речевая деятельность. «Оба эти предмета тесно между собой связаны и друг друга предполагают: язык необходим, чтобы речь была понятна и производила все свое действие, речь, в свою очередь, необходима для того,

чтобы установился язык, исторически факт речи всегда предшествует языку» [Степанов 1975: 42].

Речь – это практика применения языка в различных ситуациях общения. Различают четыре вида речевой деятельности: говорение и слушание – в устной форме; письмо и чтение – в письменной.

2. Этика.

Этика – философская дисциплина, объектом которой являются мораль и нравственность. Впервые слово «этика» было употреблено Аристотелем. В переводе с греческого оно означает «касающийся нравственности» или «выражающий некие нравственные убеждения».

По-китайски «этика» – *луньли*. Если исходить из значений составных частей данного слова, то оно означает разделение межличностных отношений. *Лунь* – «категория, род», *Ли* – «разделение». Общее значение: «все в мире можно разделить и распределить по категориям, классам, родам». В человеческом обществе *луньли* означает порядок и правила межличностных отношений. В «Современном китайском словаре» дана такая дефиниция: «Этика – это моральные правила в отношениях между людьми».

Таким образом, как на Западе, так и на Востоке этика – это учение о правилах общения между людьми, о нормах человеческого поведения, а также об обязанностях каждого в отношении других. Этика отражает систему ценностей общества и влияет на все стороны общественной жизни. Морально-этические нормы провозглашают все доброе и светлое в качестве неперемennого условия индивидуального и социального развития, соотносят позитивные проявления в поведении с желанием людей поддерживать гармонию в межличностных отношениях.

3. Речевая этика. Язык – средство общения, а этика – правила общения. «Речевая этика – это правила должного речевого поведения, основанные на нормах морали, национально-культурных традициях» [Граудина 2005: 90]. Каждый индивид выстраивает поведение исходя из своих представлений об этических нормах.

Нормы этики, соответствующие различным типам этических отношений, формируются в конкретных социокультурных условиях, обусловлены этнически и исторически.

Этические отношения находят свое отражение в языке. Речевая деятельность этически регламентирована. Предмет

исследований речевой этики лежит в области пересечения речи, речевого общения и этики. Таким образом, в широком смысле, предмет данных исследований составляют не чисто речевые и языковые феномены, а морально-этические проблемы в языке и речи, морально-этический аспект речевого поведения.

II. История вопроса.

Морально-этические нормы в сфере речевой деятельности существуют издавна. В рамках исследований речи ученые и философы обращают особое внимание на проблемы речевой этики в течение уже многих веков. В созданных две тысячи лет тому назад в Китае «*Лунь Юй*» Конфуция и «*И Цзин*» неизвестного автора обсуждаются этические вопросы, связанные с речью. В «*Лунь Юй*» высказываний о речевой этикете не менее тридцати. Например: «*У людей с красивыми словами и приторными манерами мало человеколюбия; Благородный муж расторопен в делах, сдержан в речах; Человеколюбивый человек в разговоре проявляет осторожность*». В «*И Цзин*» говорится, что «*красноречие основывается на искренности*». Очевидно, что в древности китайцы предъявляли этические требования к речи.

На Западе изучение речи берет свое начало в древнегреческой риторике. Платон выдвигает этику на первое место, различая «достоиную» и «злую» риторику. Таким образом, он впервые в западной философской традиции затрагивает этические проблемы в изучении речи. Аристотель определяет риторику как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета». Умение ясно и убедительно выражать мысли в условиях публичного общения составляло несомненное достоинство гражданина.

В последующие две тысячи лет эти взгляды определяли характер речевого поведения людей. На них базируется и современная этическая традиция в сфере речи.

В настоящее время язык изучается не только как системно-структурное образование. Язык становится предметом изучения в областях прагматики, лингвокультурологии, социолингвистики, психолингвистики, этнолингвистики и др. Ученые обращают все больше внимания на фактор человека в языке: «в своем главном створе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке» [Сеничкина 2006: 15].

С середины XX века в языкознании постепенно активизируются направления, связанные именно с изучением речи. Это

значительно расширило круг лингвистических объектов. Речь и речевая деятельность стали важными объектами исследований. Еще в 1930-х годах многие ученые в Европе, США, и СССР высказывались за изучение языка в его функционировании в условиях речевой деятельности. Г. О. Винокур (1896–1947) отмечал, что «существует еще проблема языкового употребления, а так как язык вообще есть только тогда, когда он употребляется» [Винокур 1959: 221]. Основными достижениями М. М. Бахтина (1895–1975) в области теории диалога можно считать его взгляды на высказывание как генеральную единицу речевого общения. Л. Wittgenstein (1889–1951) в «Философских исследованиях» (1945) ввел понятие языковой игры для описания языка как системы конвенциональных правил, в которой участвует говорящий. Параллельно с Витгенштейном философскую теорию языка весьма успешно разрабатывал Джон Остин (J. Austin, 1911–1960), а затем – его ученик Джон Сёрл (J. Searle). Они создали теорию речевых актов. Н. Грайс (Grice, 1913–1988) предложил Принцип Кооперации. В 1950-е годы в Советском Союзе в самостоятельное лингвистическое направление выделилась теория функциональной стилистики. Данные научные концепции составляют теоретико-методологическую базу для исследований в области речевой этики [华劭. 语言经纬 2005: 245].

Изучение речи и речевых феноменов в России имеет длительную историю. Оно опирается на достижения древнегреческой грамматики и риторики, а также на исследовательские традиции русской филологии. Еще в середине XIX века К. П. Зеленецкий (1812–1858) определил: «Предмет риторики есть речь» [张会森. 修辞学通论 2002]. В советское время в теоретических и прикладных исследованиях речи активно развивались направления, связанные с культурой речи. В настоящее время проблематика речевой этики разрабатывается в рамках изучения этики общения и речевого этикета, речеведения, риторики, стилистики, культуры речи и других дисциплин. В учебнике «Русский язык и культура речи» под ред. О. Я. Гойхмана (2002) написано: «Еще один компонент культуры речи – этический... этический компонент проявляет себя главным образом в речевых актах» [Гойхман 2002: 14]. Этический аспект культуры речи связан с определенным уровнем этики общения в разных социальных и возрастных группах носителей литературного языка. Ю. В. Рождественский в первой главе своей книги «Теория риторики» (2004) осветил историю становления риторики и изло-

жил различные взгляды на этику. Л. К. Граудина и Е. Н. Ширяев в учебнике «Культура русской речи» (2005) определили понятие *речевой этики*. Н. И. Формановская написала целый ряд книг о речевой деятельности, речевом этикете, культуре речи, среди них – «Культура общения и речевой этикет» (2005), «Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика» (2007), «Русский речевой этикет» (2008) и др. В ее монографиях рассмотрено понятие «человека говорящего», охарактеризованы виды общения, типы речевых ситуаций, традиции речевого этикета и т. п. В. И. Аннушкин в работе «Язык и жизнь» (2010) отмечает: «Без философско-этической базы обучение риторике и ее использование превращается либо в манипуляцию сознанием аудитории, либо в „праздноговорение“» [Аннушкин 2010: 94].

Разработкой проблематики, связанной с речевой этикой, занимаются и современные китайские ученые. Так, профессор Пекинского университета Чэнь Жудун написал монографию «Этика языка». На основе рассмотрения речевой этики древних китайцев он выявил морально-этические правила традиционного речевого поведения, а также нормы речевой этики, связанные с разными социальными ролями. Кроме того, в книге предложена социально значимая система моральной оценки речевых актов и обсуждены различные особенности безнравственных речевых актов. Автор монографии приходит к выводу, что основные принципы речевой этики древнекитайского народа – это *ритуальность, человеколюбие, верность и правдивость*. Чэнь Жудун отмечает, что морально-этические нормы в процессе порождения речи составляют *искренность, истинность и неразрывность слова и дела*, а при восприятии речи – *единство слова и действительности, единство слова и дела, единство слова и человека, единство слова и ситуации, единство слова и морали*.

Профессор Пекинского педагогического университета Цэнь Юньцзян в книге «Лингвистика речевого общения» также подчеркивает особую значимость соблюдения этических норм в речевой коммуникации.

III. Методы и содержание изучения русской речевой этики.

Лингвистические и этические концепции составляют теоретическую основу изучения речевой этики. Исследования в данной области следует начинать с рассмотрения основных норм этики, сбора и анализа материалов речевых произведений,

выявления закономерностей в речевой деятельности, а также характеристики таких этических принципов, которые проявляются в речевом акте, – установок на доброжелательность, объективность и истинность.

Речевая этика отражена во многих компонентах и единицах современного русского языка – в интонации, лексике, системе обращений, морфологических формах слов, структуре предложений и др. Фразеологизмы, эвфемизмы, пословицы и поговорки ярко отражают морально-этические нормы речи народа. В соответствии с этим материал исследования не должен ограничиваться лишь речевыми стилями и жанрами. Он включает: 1. Ресурсы современного русского языка – интонационные, лексические, синтаксические и т. д. 2. Речевые продукты: литературные произведения, документы, презентации, рекламные тексты и др.

Нам представляется, что в сфере исследований русской речевой этики необходимо выделять следующие объекты.

1. Этические нормы, отраженные в пословицах и поговорках. Пословицы и поговорки – краткие произведения устного народного творчества, неотъемлемая часть культуры любого этноса. Пословицы и поговорки примечательны тем, что в лаконичной форме они точно и образно передают всю мудрость, весь исторический и нравственный опыт народа, его этику и мораль. Таким образом, изучение пословиц и поговорок, связанных с темами языка и речи, весьма эффективно для выявления норм народной речевой этики.

2. Этические отношения, проявляющиеся в системе обращений. Этический аспект отношений между людьми в значительной мере отражается в обращениях. Каждое общество располагает собственной системой обращений, в противном случае различие социальных статусов участников общения крайне затруднено. Влияние социального положения людей на речевой акт непосредственно проявляется в выборе обращений. Мы выбираем то или иное обращение, чтобы решить стоящую перед нами коммуникативную задачу максимально эффективно – учитывая социальный статус собеседника, его роль в общественной жизни, а также содержание, цели и условия общения. Даже в демократическом обществе, характеризующемся юридическим равноправием граждан, существуют реальные различия, обусловленные оппозициями социально значимых характеристик – «высокий и низкий», «старший и младший», «далекий и

близкий», «свой и чужой» и т. п. Формирование системы обращений тесно связано с этикой. Говорящий сознательно выбирает конкретную форму обращения в зависимости от социального положения адресата и своего отношения к нему. В соответствии с этим изучение системы обращений, особенностей ее формирования и развития, прежде всего отражения морально-этических ценностей в семантической стороне данной системы, имеет как лингвистический, так и этический аспекты.

3. Этические нормы, обуславливающие использование эвфемизмов.

Эвфемизмы – слово или выражение, употребляемое вместо другого, которое по каким-либо причинам неудобно или нежелательно использовать в данной ситуации. К эвфемизации говорящий прибегает всякий раз, когда предполагает, что использование определенной единицы в разговоре может обидеть, оскорбить или смутить собеседника. В каждой лингвокультуре исторически сложилась система запретов на применение тех или иных прямых номинаций в определенных коммуникативных условиях. Не принято называть прямо некоторые типы состояний человека и некоторые физиологические процессы, например, в официальном и/или публичном общении.

Применение эвфемизмов имеет три взаимосвязанных аспекта: социальный, психологический и собственно лингвистический. При этом «социальный аспект – это лежащие в основе эвфемии социальные, а именно моральные... мотивы» [Крысин 2007: 6]. Этические нормы, мотивирующие эвфемизацию, требуют специального изучения.

4. Этические отношения, отраженные в лексике и морфемике.

Многие лексические единицы русского языка также связаны с морально-этическими понятиями. Общий культурный уровень человека характеризуется, в частности, тем, насколько хорошо он владеет лексикой, насколько корректно он оперирует лексическими значениями слов. *Дерзить* и *грубить* – оба глагола значат «говорить неуважительно, грубо», но *дерзя старшим*, а *грубить* не имеет такого семантического компонента. Лексические значения таких слов, как *велеть*, *верховодить*, *взыскание*, *даровать*, *диктат*, *головомойка*, *карать*, *командовать*, *консультировать*, *помиловать*, *разрешить*, *сослать*, *экзаменовать*, отражают превосходство, старшинство по возрасту или социальному положению. А такие слова, как *апеллировать*, *вымолить*, *испросить*, *консультироваться*, *ослу-*

шаться, отпроситься, повиноваться, подчиняться, указывают, наоборот, на младший возраст или зависимое, подчиненное положение.

Кроме этого, русский язык весьма богат аффиксами – префиксами и суффиксами, многие из которых имеют экспрессивно-эмоциональные и оценочные значения. Как действуют принципы речевой этики при выборе аффиксов? Ответ на данный вопрос предусматривает проведение соответствующего специального исследования

5. Проявление этических отношений в контексте.

В широком смысле контекст – окружение, в котором существует объект. Согласно понимаю, принятому в лингвистике, контекст включает в себя и собственно языковые, лингвистические, и внеязыковые, экстралингвистические факторы. В контексте проявляются различные субъективные и объективные характеристики участников общения – такие, как социальное положение, профессия, мировоззрение, религия, культура, образование и даже настроение, эмоциональное состояние. Важные особенности контекста могут быть обусловлены временем, местом и своеобразием ситуации общения.

Различные коммуникативные ситуации требуют использования различных этикетных речевых оборотов. Механическое заучивание этих выражений почти ничего не дает. Необходимо хорошо понимать, насколько та или иная формула речевого этикета уместна в конкретной ситуации, соответствует ли она социальному статусу говорящего, его индивидуальным особенностям, приемлема ли для собеседника.

Общение всегда характеризуется определенным контекстом. Построение речевого выражения требует принципиального учета отношений между собеседниками при выборе лексических единиц. Анализ контекстов представляет собой важный аспект исследований речевой этики.

IV. Значение изучения русской речевой этики.

Как социальное явление язык представляет собой главный инструмент человеческого общения. Язык существует только вместе с человеком. Язык есть там, где есть человек. Насколько широко простираются сферы деятельности человека, настолько широко и использование языка. Ю. С. Степанов заметил по этому поводу: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» [Сеничкина 2006: 15]. Язык –

орудие человека, человек всегда управляет языком. На основе языка человек осуществляет речевую деятельность – продуктивную и рецептивную. Таким образом, при реализации языка в речи человек выполняет различные функции, они меняются в процессе общения. Любая коммуникативная роль человека связана с социальной этикой. Ясная, точная, эффективная речь обязательно согласуется с этикой.

Изучение речевой этики призвано содействовать формированию коммуникативно грамотной личности, обладающей высокой лингвориторической компетенцией, этической ответственностью за слово, широкой экстралингвистической эрудицией общекультурного и профессионального характера, установкой на гармоничный диалог.

Основная цель лингвистики – с одной стороны, выявить принципы организации системы языка, с другой стороны, раскрыть принципы использования языка, то есть законы речи. Цель изучения речевой этики заключается в прояснении основных принципов речевого общения, повышении эффективности дискурса, содействии конструктивной коммуникации. Практическое значение исследований речевой этики прежде своего состоит в том, что мы как русисты глубже понимаем устройство и функционирование русского языка, точнее используем русский язык. Для преподавания русского языка иноговорящим учащимся эти исследования также имеют значение. Они способствуют развитию теоретической базы обучения русскому языку и, кроме того, предоставляют разнообразные новые материалы. В то же время, исследовательская модель, сформированная в процессе изучения русской речевой этики, в дальнейшем может быть применена к материалам других западных языков.

ЛИТЕРАТУРА

Аннушкин, В. И. Язык и жизнь / В. И. Аннушкин. – М. : Русская школа, 2010. – 318 с.

Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М., 1959. – 492 с.

Гойхман, О. Я. Русский язык и культура речи / О. Я. Гойхман. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 240 с.

Граудина, Л. К. Культура русской речи / Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М. : НОРМА, 2005. – 549 с.

Крысин, Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография / Л. П. Крысин. – М. : Академия, 2007. – 207 с.

- Сеничкина, Е. П. Эвфемизмы русского языка / Е. П. Сеничкина. – М. : Высшая школа, 2006. – 148 с.
- Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания / Ю. С. Степанов. – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.
- 索绪尔. 普通语言学教程[M]. – 北京 : 商务印书馆, 2009. – 333 с.
- 华劭. 语言经纬[M]. – 北京 : 商务印书馆, 2005. – 338 с.
- 张会森. 修辞学通论[M]. – 上海 : 上海外语教育出版社, 2002. – 310 с.

REFERENCES

- Annushkin, V. I. Yazyk i zhizn' / V. I. Annushkin. – M. : Russkaya shkola, 2010. – 318 s.
- Vinokur, G. O. Izbrannye raboty po russkomu yazyku / G. O. Vinokur. – M., 1959. – 492 s.
- Goykhman, O. Ya. Russkiy yazyk i kul'tura rechi / O. Ya. Goykhman. – M. : INFRA-M, 2002. – 240 s.
- Graudina, L. K. Kul'tura russkoy rechi / L. K. Graudina, E. N. Shiryaev. – M. : NORMA, 2005. – 549 s.
- Krysin, L. P. Sovremennyy russkiy yazyk. Leksicheskaya semantika. Leksikologiya. Frazeologiya. Leksikografiya / L. P. Krysin. – M. : Akademiya, 2007. – 207 s.
- Senichkina, E. P. Evfemizmy russkogo yazyka / E. P. Senichkina. – M. : Vysshaya shkola, 2006. – 148 s.
- Stepanov, Yu. S. Osnovy obshchego yazykoznaneya / Yu. S. Stepanov. – M. : Prosveshchenie, 1975. – 271 s.
- 索绪尔. 普通语言学教程[M]. – 北京 : 商务印书馆, 2009. – 333 с.
- 华劭. 语言经纬[M]. – 北京 : 商务印书馆, 2005. – 338 с.
- 张会森. 修辞学通论[M]. – 上海 : 上海外语教育出版社, 2002. – 310 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

14 (2020)

Выпускающий редактор Еремина С. А.
Подготовка оригинал-макет Адясовой О. А.
Корректурa Адясовой О. А.